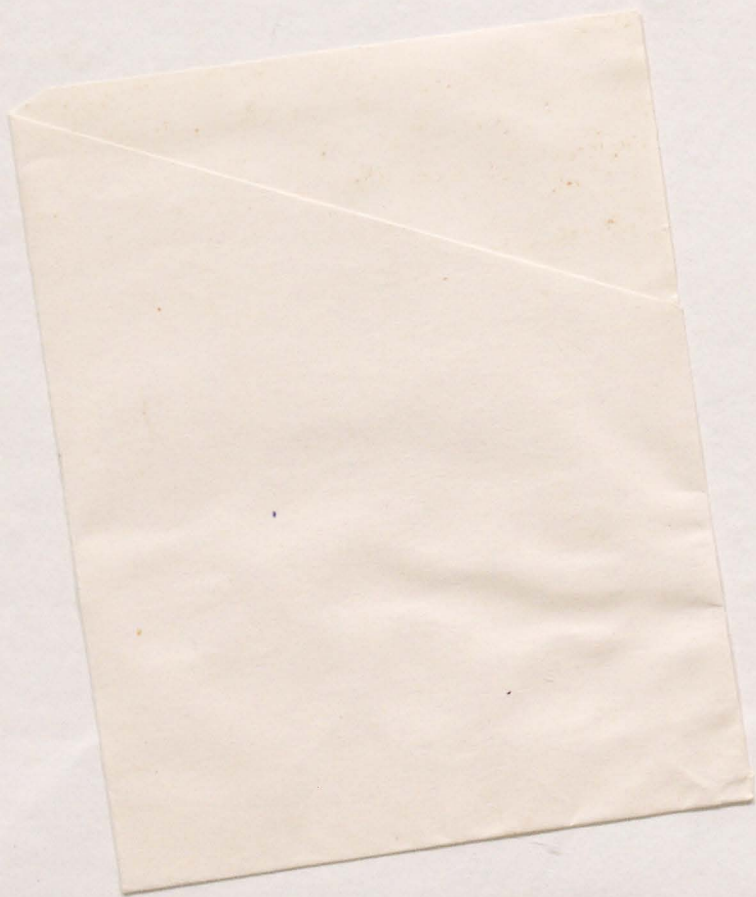

W $\frac{532}{509}$

Библиотека общественныхъ движеній въ Россіи
XIX и XX в.в.

В Ы П У С К Ъ 1.

W $\frac{532}{509}$

Записки

П. А. ЧЕРЕВИНА.

(Новые матеріалы по дѣлу Каракозовцевъ).

Изданіе „Костромского Научнаго
О-ва по изученію мѣстнаго края“.

КОСТРОМА.

1918.

205-1
416-1

Изданія Костромскаго Научнаго Общества по изученію мѣстнаго края:

1. Программа для собиранія этнографическихъ предметов. 20 стр., Кострома, 1912 г. ц. 5 коп.
2. Отчетъ о дѣятельности Костромскаго Научнаго О-ва по изученію мѣстнаго края за 1912 г. (годъ 1-й) ц. 15 коп.
3. Отчетъ за 1913 годъ (годъ 2-й) ц. 15 коп.
4. Отчетъ за 1914 годъ (годъ 3-й) ц. 15 коп.
5. Отчетъ за 1915 годъ (годъ 4-й) ц. 25 коп.
6. Отчетъ за 1916 годъ (годъ 5-й) ц. 35 коп.
7. Предварительныя указанія къ изученію Костромской губерніи. Кострома, 1913 г. (разошлись).
8. Предварительныя указанія къ изученію Костромской губерніи. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Кострома, 1914 года (разошлись) ц. 10 коп.
9. Тоже, изд. 3-е 1916 г. ц. 20 коп.

10. Труды Костромскаго Научнаго Общества по изученію мѣстнаго края, вып. I. (Число экземпляровъ ограниченное).

СОДЕРЖАНІЕ: В. Смирнов—И. Н. Шулепников (некролог). М. Виноградов—Галицкое озеро и галицкій рыбный промысел. Е. Дюбюк—Основные черты въ развитіи крупной промышленности въ Костромской губерніи въ дореформенное время. С. Барыков—Ученичество въ отхожемъ малярномъ промыслѣ въ Воскресенской вол. Галическаго уѣзда. А. Андроников—Народныя сказки Костромской губерніи. Отдѣльныя сообщенія: В. Богушевскаго, Н. Сколозубова и В. Чарнецкаго ц. 1 р. 25 к.

11. Труды Костромскаго Научнаго Общества по изученію мѣстнаго края, вып. II.

СОДЕРЖАНІЕ: А. Жадовскій—Ботаническія изслѣдованія въ Костромской губерніи лѣтомъ 1913 г. ц. 80 коп.

12. Труды Костромскаго Научнаго Общества по изученію мѣстнаго края, вып. III.

СОДЕРЖАНІЕ: Е. Дюбюк—Велдужская вотчина Дурново въ канунъ крестьянской реформы и въ первые годы послѣ нея. Подлинныя документы Велдужской вотчины Дурново. (Из собраній Д. П. Деметьева). В. Барыков—Из жизни села парскаго, Юрьевецкаго уѣзда, Костр. губ. Н. Зорин—Какъ веселится черемисская молодежь В. Смирнов—Крестьянская изба и ея рѣзныя украшенія въ Макарьевскомъ у., Костромской губерніи ц. 1 руб.

13. Труды Костромскаго Научнаго Общества по изученію мѣстнаго края, вып. IV.

СОДЕРЖАНІЕ: В. Смирнов—Н. Л. Сколозубов (некролог). А. Жадовскій—Къ флорѣ Велдужскаго края. Отчетъ о ботаническихъ экскурсіяхъ лѣтомъ 1914 года. Ею-же—Обзоръ литературы по флорѣ Костромской губерніи. Э. Шпор—Нѣкоторыя данныя о цвѣтеніи рясок ц. 80 коп.

14. Труды Костромскаго Научнаго Общества по изученію мѣстнаго края, вып. V.

СОДЕРЖАНІЕ: Костромская деревня въ первое время войны по даннымъ анкеты О-ва А. Языков—Общественная помощь призваннымъ въ ихъ семьяхъ. Л. Захарова—Вліянія трезвости на жизнь Костромской деревни. Е. Дюбюк—Экономическое положеніе деревни осенью 1914 и зимой 1914—15 г.г. В. Смирнов—Отношеніе деревни къ войнѣ. А. Виноградов—Къ анкетѣ по вопросу о вліяніи войны на жизнь мѣстнаго края (корреспонденція) ц. 1 р. 25 к.

W $\frac{532}{509}$

Библиотека общественныхъ движеній въ Россіи
XIX и XX в.в.

В Ы П У С К Ъ I.

Черевинъ, Петръ Александровичъ.

Записки

П. А. ЧЕРЕВИНА.

(Новые матеріалы по дѣлу Каракозовцевъ).

Изданіе „Костромского Научнаго
О-ва по изученію мѣстнаго края“.

Кострома, 1918.

Библиотека общественных наук
XIX в. XX в.

Звонки

П. А. ЧЕРВЕНА

(Полное наименование)

Российская
Государственная
Библиотека

11189-94

Библиотека
Библиотека

2021624255

без обложки КНИГА ИМЕЕТ

01

Листов печатных	Выпуск	В перепл. едня. соедин. № вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	197
		1918 61.	X			у	390к	261
							<u>35</u>	95

Печатаемая въ настоящемъ, первомъ выпускѣ бібліотеки „Общественныхъ движеній“ записки принадлежатъ перу ген-адъютанта П. А. Черевина, извѣстнаго дѣятеля въ эпоху Александра II и Александра III, бывшаго однимъ изъ участниковъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Каракозова. Главный столбъ русской реакціи, типъ деньщика въ генеральскомъ мундирѣ, совершенный политическій дикарь и глубокой невѣжда, Черевинъ, по словамъ близко его знавшаго знаменитаго физика П. Н. Лебедева, „былъ очень смысленный, остроумный и, въ домашнемъ обиходѣ, даже добродушный человѣкъ“ *). Едва ли нужно говорить, насколько крупный историческій интересъ представляютъ писанныя имъ записки.

Надо сказать, что вообще литература по дѣлу Каракозовцевъ не отличается особымъ богатствомъ. Въ большинствѣ случаевъ относящіеся сюда матеріалы или сухія оффиціальныя сообщенія, или воспоминанія лицъ, довольно далеко стоявшихъ отъ дѣла. Между тѣмъ предлагаемая сейчасъ вниманію читателей записки принадлежатъ человѣку, который стоялъ по своему положенію въ самой, такъ сказать, гущѣ слѣдствія, несомнѣнно былъ въ курсѣ дѣла, зналъ то, чего могли другіе не знать—и то, что зналъ, излагаетъ въ безыскусственной, безпритязательной формѣ воспоминаній. Вотъ эта-то самая безыскусственность и составляетъ въ нашихъ глазахъ самую главную прелесть записокъ, придаетъ имъ колоритъ. Въ текстѣ записокъ разбросаны довольно щедро черточки и штрихи, изъ которыхъ можно возсоздать достаточно яркую картину эпохи и среды, къ которой принадлежалъ авторъ воспоминаній. Внутренняя работа, которая велась въ слѣдственной комиссіи, тѣ приемы, какіе примѣняли слѣдователи для того, чтобы вынудить у обвиняемыхъ нужныя имъ показанія и т. д., короче, всѣ закулисы розыскаго политическаго механизма выступаютъ при чтеніи записокъ съ такой обнаженной отчетливостью, что тутъ и прибавить и убавить нечего и всякіе комментаріи становятся излишни. Далѣе,—участники комиссіи характеризуются въ запискахъ ихъ же товарищемъ по работѣ также достаточно ярко—характеристики эти подчасъ не только мѣтки, но и

*) См. Голосъ Минувшаго 1917 г. № 5—6 ст. „Черевинъ и Александръ III“ стр. 96.

ядовиты. Интересны характеристики и главныхъ дѣйствующихъ лицъ процесса—обвиняемыхъ, и въ первую очередь—самого Каракозова.

Когда писаны эти записки? Внимательное чтеніе текста не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Но, быть можетъ, не будетъ большой ошибкой предположить, что записки написаны въ періодъ второй общественной волны послѣ 60-хъ г.г., а именно въ концѣ 70-хъ или началѣ 80-хъ г.г. На предположеніе это наводятъ послѣднія заключительныя страницы записокъ, полныя предчувствій о наступленіи новой эры и неизбежности крушенія стараго строя. „Никакая сильная администрація—говоритъ авторъ записокъ—не остановитъ нынѣ, какъ и въ 1866 г. теченіе, по которому несется общество, не остановитъ—да, но задержать—можетъ“. Такія строки могли быть написаны лишь въ эпоху, когда об-во дѣйствительно несло, а такой эпохой послѣ первой половины 60-хъ г.г. былъ конецъ 70-хъ и начало 80-хъ г.г.

Записки печатаются съ копіи, любезно переданной въ Научное Об-во для напечатанія однимъ изъ его членовъ. Если судить по началу записокъ, то можно какъ будто бы думать, что печатаемое нынѣ лишь часть болѣе обширныхъ записокъ Черевина, часть, относящаяся собственно къ его участию въ Каракозовскомъ дѣлѣ.

Для тѣхъ, кто пожелалъ бы болѣе подробно ознакомиться съ самимъ дѣломъ Каракозовцевъ, мы рекомендовали бы прежде всего сборникъ Б. Базилевскаго „Госуд. прест. въ Россіи въ XIX в.“ т. I 1906 г., гдѣ можно найти рядъ официальныхъ сообщений о покушеніи Каракозова и о дѣлѣ Каракозовцевъ, и затѣмъ слѣдующія журнальныя статьи: Д. В. Стасовъ. Каракозовскій процессъ (Былое 1906 г. № 4)—П. И. Вейнбергъ. 4-е апрѣля 1866 г. (тамъ же).—П. Гуревичъ. Къ дѣлу Каракозова (Былое 1907 г. № 7)—С. Г. Сватиковъ. Николай Дмитріевичъ Ножинъ (Голосъ Минувшаго 1914 г. № 10) и т. д. Разумѣется, указанное не исчерпываетъ библиографіи вопроса. Рядъ статей и замѣтокъ о Каракозовѣ и Каракозовскомъ дѣлѣ имѣется въ Герценовскомъ Колоколѣ за 1866 г.

При своемъ отчисленіи (по увольненіи М. Н. Муравьева отъ должности состоящаго при особыхъ порученіяхъ при Виленскомъ Генералъ-Губернаторѣ я взялъ отпускъ на 4 мѣсяца и провелъ лѣто у себя въ деревнѣ. Возвратясь въ Петербургъ, я явился къ Воен. Министру, въ распоряженіе котораго былъ назначенъ. Приемъ, оказанный мнѣ министромъ, былъ очень хорошъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того сдѣлано мнѣ было предложеніе черезъ Директора Канцеляріи Воен. Мин. г. м. Мордвинова принять командировку въ г. Таганрогъ. Не входя въ сущность поручаемаго мнѣ дѣла, я наотрѣзъ отказался отъ предлагаемыхъ мнѣ занятій, когда узналъ, что пребываніе мое въ Таганрогъ можетъ продолжиться отъ 1½—3 л. Домашнія мои дѣла не позволяли мнѣ отлучиться такъ далеко и въ особенности на такой долгій срокъ; къ тому же я смотрѣлъ на службу въ Военномъ Министерствѣ, какъ на дѣло переходное, задавъ себѣ цѣлью оставаться на новомъ мѣстѣ, доколѣ меня оставяты будутъ въ покоѣ, а между тѣмъ придумывалъ, что предпринять. Мысль объ оставленіи службы, послѣ испытанныхъ мною въ Вильнѣ трудовъ, за которые мнѣ, повидимому, оставалось лишь воспоминаніе понесенныхъ непріятностей, болѣе, чѣмъ когда—либо, мнѣ улыбалась. Въ такомъ положеніи провелъ я осень 1866 года, какъ совершенно для меня неожиданно былъ я потребованъ ночью 11 января 1866 г. къ Военному Министру. Дѣло было вызвано по полученію Государемъ телеграммы отъ Воен. Генер. Губ. Новосильскаго, доносившаго о происшедшемъ пожарѣ на батарее № 10 и гибели при томъ 54 чел. Государь повелѣлъ произвести самострожайшее слѣдствіе, и выборъ Милютина для производства сего дѣла палъ на меня. Въ ту же ночь я выѣхалъ изъ Петербурга и съ разсвѣтомъ съ большимъ затрудненіемъ перебрался я б. ч. пѣшкомъ (по случаю ненадежности льда) изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Черезъ 10 дней возвратился я въ Петербургъ и представилъ дѣло и подробный рапортъ, въ которомъ обвинялъ я въ непринятіи должныхъ мѣръ предосторожности

отъ огня строителя Кронштадта свиты Его Велич. г.-м. Звѣрева. Окончивъ это дѣло, я опять сталъ совершенно свободенъ.

Наканунъ Святой, въ субботу вечеромъ, я былъ неожиданно удивленъ полученіемъ письма отъ Воен. Министра, въ которомъ объявлялась мнѣ пожалованная награда—орденъ Владиміра 4 степени. Тутъ я только догадался, что порученная мнѣ въ январѣ командировка имѣла цѣлью дать Воен. Мин. возможность ходатайствовать передъ Государемъ о награжденіи моемъ. (Въ одномъ приказѣ со мною получилъ Влад. 3 степени и Звѣревъ—и слѣдователь, и обвиненный, оба вмѣстѣ, но я получилъ награду за трудъ въ Западн краѣ; а слѣдствіе, обнаруженное мною въ Кронштадтѣ, было затерто) Милютинъ хорошо понималъ что я считалъ себя оскорбленнымъ за время службы моей при М. Н. Муравьевѣ, и въ этомъ случаѣ, долженъ сознаться, поступилъ въ отношеніи ко мнѣ особенно внимательно.

Прошла Святая. Кому изъ жителей Петербурга не памятенъ день понедѣльника 4-го апрѣля!

Схваченный на мѣстѣ преступленія у рѣшетки Лѣтняго сада, преступникъ былъ отправленъ подъ конвоемъ нѣсколькихъ городовыхъ въ III отдѣленіе, куда отправился самъ Государь, взявъ пистолетъ изъ рукъ стрѣлявшаго.

Войдя въ дверь дома III отд. Его Величество встрѣтилъ сходящаго по лѣстницѣ начальника штаба г.-м. Мезенцева. Отдавъ ему пистолетъ, Государь сказалъ: „по мнѣ сейчасъ произведенъ былъ выстрѣлъ изъ этого пистолета, преступникъ будетъ сейчасъ сюда приведенъ, узнайте, кто онъ.“ Сказавъ это, Государь отѣхалъ прямо въ Казанскій соборъ, а оттуда во Дворецъ.

Черезъ нѣкоторое время разнеслась по городу вѣсть о злодѣйскомъ покушеніи, произведенномъ неизвѣстными противъ жизни Его Величества. Часа черезъ 3—4 около 8 часовъ уже опубликованы были по городу подробности о чудесномъ спасеніи Государя. Въ извѣстіи обнародованномъ говорилось, что въ 4 часа пополудни въ то время, какъ Государь послѣ обычной своей прогулки въ Лѣтнемъ саду приближался къ своей коляскѣ, у сѣвернаго входа изъ собравшейся у рѣшетки толпы неизвѣстнымъ былъ произведенъ выстрѣлъ изъ пистолета по Его Велич. Покушеніе злодѣя было во время замѣчено стоящимъ тутъ же простолудиномъ, толкнувшимъ руку стрѣлявшаго. Выстрѣлъ

раздался, но пуля пролетѣла надъ Государемъ. Незвѣстный пытался бѣжать, но въ 8—10 шагахъ былъ задержанъ полиціей при участіи собравшейся толпы. Государь, обратившись къ задержанному, спросилъ „Кто онъ, и за что покушался на его дни?“

Незвѣстный назвалъ русскимъ и объяснилъ, что стрѣлялъ потому, что Государь, обѣщавъ вольность крестьянамъ, обманулъ ихъ.

Преступникъ, приведенный въ III отд., былъ догола раздѣтъ и тщательно обысканъ. На дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ чистымъ русскимъ языкомъ, спокойно, съ разстановкою, взвѣсивая предварительно значеніе всякаго дѣлаемаго отвѣта. Въ III отд. прибылъ между тѣмъ шефъ—жандармовъ кн. Долгоруковъ, предсѣдатель Высочайше утвержденной Слѣдствен. Комиссіи (существ. съ 1862) г.-м. Ланской, нѣкоторые чины и обер-полицмейстеръ г.-м. Анненковъ, узнавшій о покушеніи однимъ изъ послѣднихъ въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ проводилъ обыкновенно цѣлые дни. Первое засѣданіе комиссіи продолжалось далеко за полночь. Преступникъ продолжалъ утверждать, что онъ крестьянинъ одной изъ южныхъ губерній, назвалъ себя Александромъ Петровымъ и объявилъ, что грамотѣ не знаетъ, не имѣетъ знакомыхъ и родственниковъ и не помнитъ мѣсто своей родины. Въ первое же засѣданіе были призваны свидѣтели преступленія: городской, сторожъ Лѣтняго сада и Комиссаровъ.

Конечно, если кто перечувствовалъ въ теченіи этого засѣданія, то послѣ преступника слѣдуетъ Комиссаровъ. Найденный граф. Тотлебенъ спаситель царя не подозрѣвалъ, какъ были объяснены его крикъ и невольное движеніе вслѣдъ за раздавшимся выстрѣломъ. Тотлебенъ, подойдя къ государю, указалъ на Комиссарова, какъ на виновника неудачи злодѣя, объяснивъ, что онъ видѣлъ, какъ рука послѣдняго была толкнута стоявшимъ рядомъ Комиссаровымъ. Въ общей суматохѣ Ком. былъ задержанъ тоже полиціею и приведенъ къ С.-Пет. Воен. Ген. Губ. кн. Суворову, оттуда въ комиссію, гдѣ былъ предъявленъ ему незвѣстный стрѣлявшій въ государя. Полагая, что его признали за участника въ преступленіи, Комиссаровъ, совершенно растерянный, не могъ дать ни одного отвѣта на дѣлаемые ему вопросы. Изъ комиссіи Комиссаровъ былъ привезенъ во дворецъ, гдѣ собрались уже офицеры всѣхъ полковъ, гвардіи и высшіе гражданскіе чины для принесенія поздравленій Его Величеству. Тутъ только сдѣлалась ему извѣстна причина его задержанія и поѣздка въ комиссію и къ ген. губернатору.

Что между тѣмъ происходило въ III отд.? На первые же сдѣланные ему вопросы неизвѣстный объяснилъ, что никто не мѣшалъ ему стрѣлять и не толкалъ его руки, что неудачу выстрѣла онъ приписываетъ собственной торопливости, вызванной впрочемъ услышаннымъ имъ крикомъ изъ толпы, собравшейся у экипажа Государя. По собраннымъ свѣдѣніямъ первый увидѣвшій намѣреніе злодѣя и потому крикнувшій былъ сторожъ Лѣтняго сада.

Но такова несправедливость судьбы: несчастный сторожъ, крикомъ своимъ вынудившій неизвѣстнаго стрѣлять скорѣе, и потому дѣйствительный виновникъ неудачи покушенія, въ награду за то долженъ былъ провести всю ночь на 5 апр. въ III отд; подъ утро уже изъ жалости одинъ изъ членовъ далъ ему 20 коп. на чай—тѣмъ и ограничилась награда. Предполагать, что преступникъ преднамѣренно не сознавался, что ему толкнули руку во время выстрѣла, нѣтъ причины. Нельзя допустить, что онъ руководствовался чувствомъ мести къ сосѣду, помѣшавшему ему стрѣлять; онъ не зналъ, что лицо это найдено, что на него посыплется милости. Въ теченіи 5 мѣсяцевъ до самой казни преступникъ подтверждалъ первое свое показаніе, а между тѣмъ отвѣты его, если рѣчь шла не о выдачѣ своихъ сообщниковъ, носили характеръ чистосердечнаго раскаянія и правды. Наконецъ, если обдумать приписываемый Комиссарову подвигъ (такъ по крайней мѣрѣ поименованъ его толчекъ), то окажется слѣдующее: Комиссаровъ, стоявшій у рѣшетки Лѣтняго сада для того, чтобы увидѣть Государя, врядъ ли обращалъ вниманіе при проходѣ Его Величества на своихъ сосѣдей; если же допустить, что онъ даже увидѣлъ намѣреніе преступника произвести выстрѣлъ, то вѣроятность говорить, что онъ, схвативъ руку злодѣя, опустилъ бы ее; тогда пуля получила бы направленіе къ низу и, вѣроятно, зарылась бы въ землю или рикошетиrowалась бы отъ плиты или булыжника. Между тѣмъ г. Тотлебену весьма легко представилась картина подвига Комиссарова. Взглянувъ въ ту сторону, откуда раздался выстрѣлъ, онъ видитъ Комиссарова, державшаго руки (отъ испуга) къверху и смотрящаго на преступника. Я нисколько не отвергаю заслуги Комиссарова, если онъ дѣйствительно былъ причиною промаха преступника; скажу болѣе: нахожу весьма политичнымъ изобрѣсть даже подобный подвигъ; это простибельная выдумка и даже полезно дѣйствующая на массы благотворно, но, излагая свои воспоминанія, имѣя, какъ бывший членъ Комиссіи вѣрныя свѣдѣнія, я почитаю долгомъ

упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ не зная и не будучи убѣжденъ, на чьей сторонѣ правда. При всемъ томъ я склоняюсь на показанія Каракозова и не могу не сожалѣть о судьбѣ человѣка, дѣйствительно спасшаго Государя-сторожа Лѣтняго сада, ничего не получившаго за то.

Между тѣмъ какъ городъ праздновалъ чудесное избавленіе Царя отъ грозившей ему опасности, въ Комиссіи, засѣдавшей въ III отд., продолжался неуклонный (?) допросъ преступника, упорно продолжавшаго скрывать свое имя и сообщниковъ. Сняты были съ него фотографическія карточки и предъявлены были полиціи и другимъ лицамъ, но никто не признавалъ его за личность извѣстную. Наконецъ, стали допускать въ III отд. публику. Изъ коридора можно было смотрѣть въ продѣланное небольшое отверстіе двери на преступника, который между тѣмъ весьма, понятно, неохотно показывался любопытнымъ. Впрочемъ, комедія эта послужила къ тому, что лакей Знаменской гостиницы узналъ въ преступникѣ личность, проживавшую въ сказанной гостиницѣ, но выбывшую изъ нея въ послѣднихъ числахъ марта. Преступникъ, нисколько не сконфузившись въ томъ, подтвердилъ прежнія свои показанія и объяснилъ, что выбылъ изъ гостиницы, не имѣя средствъ къ уплатѣ слѣдуемаго и что затѣмъ бродилъ по улицамъ и не помнитъ, гдѣ ночевалъ. Въ Петербургѣ составилось между тѣмъ мнѣніе, что преступникъ долженъ быть полякъ. Шумныя демонстраціи въ театрахъ, напр., при представленіи оперы: „Жизнь За Царя“, гдѣ публика не позволила докончить 4-го акта, въ которомъ Сусанинъ умираетъ отъ руки поляковъ, читаемые публично и громко одобряемые стихи по случаю радостнаго событія спасенія жизни государя, въ которыхъ прямо называли злодѣя полякомъ—утвердили и членовъ Слѣдственной Комиссіи въ этой мысли. съ преступникомъ поступали безчеловѣчно. Убѣжденные, что онъ полякъ, они бились изъ силъ это обнаружить; допросы продолжались безостановочно по 12—15 часовъ. Втеченіе этого времени допрашивавшему не позволялось не то, чтобы сѣсть, но даже прислониться къ стѣнѣ. Ночь не была покоемъ, ибо втеченіе оной его будили раза 3 въ часъ, заговаривая съ нимъ, но преимущественно по польски, и воображали, что спросонья преступникъ проговорится. Система эта еще болѣе раздражала допрашиваемаго и обнаруживала невѣжество членовъ Комиссіи, ибо кто не знаетъ, что для того, чтобы вызвать раскаяніе или правду въ обвиняемомъ, надо, во-первыхъ, пріобрѣсти его довѣріе, если можно такъ выразиться его

уваженіе, и затѣмъ при необходимости путать его сказанными имъ не сообразностями, ибо какъ остороженъ ни былъ бы допрашиваемый, невозможно ему до конца провести безъ противорѣчій или промаховъ вымышляемое. Другое важное условіе—безмятежное хладнокровіе, выводящее изъ терпѣнія допрашиваемаго.

Вредъ ли г. г. члены, мучимые желаніемъ скорѣе узнать, кто преступникъ, владѣли имъ.

Въ такомъ положеніи продолжалось дѣло до 11 апрѣля. Въ этотъ день Государь призвалъ къ себѣ графа Муравьева, просилъ его принять председательство надъ Слѣдственной Комиссіей и сказалъ, что ему предоставляется выборъ лицъ, которыхъ онъ признаетъ полезными въ члены комиссіи.

Въ 3 часа пополудни того же числа Муравьевъ былъ въ III отд., гдѣ объявилъ членамъ комиссіи Высочайшую волю. Призвали преступника; послѣ получасоваго допроса гр. Муравьева, увидѣвъ, что отъ него не представляется возможности узнать что-либо, приказалъ его увести и оставить всякіе дальнѣйшіе разспросы. Посѣтивъ его камеру, Муравьевъ при немъ же отдалъ приказаніе, дабы по возможности исполняли его желанія; но приказалъ ни бумагъ, ни книгъ не давать и не вступать съ нимъ ни въ какіе разговоры. Затѣмъ, узнавъ, что онъ содержится на хлѣбѣ и на водѣ, приказалъ отпускать ему пищу по положенію для арестованныхъ при III отд. по 50 к. на челов. въ сутки. Между тѣмъ былъ потребованъ въ Комиссію чловѣкъ изъ Знаменской гостиницы, опознавшій преступника. Ему поручено было указать полиціи номеръ гостиницы, гдѣ проживалъ преступникъ и произвести въ немъ самый тщательный обыскъ съ разборомъ половъ, печей и пр.

Въ тотъ же день вечеромъ я былъ вызванъ изъ театра, гдѣ находился, посланнымъ гр. Муравьева, требовавшимъ меня къ себѣ. Я еще ничего не зналъ о назначеніи М. Н. и потому былъ не мало удивленъ, когда услышалъ предложеніе его заниматься въ Комиссіи. При этомъ М. Н. объявилъ, что онъ еще намѣренъ призвать въ комиссію капитана л.-гв. Семеновскаго полка Никифораки, бывшаго военнаго начальника Поневѣжскаго уѣзда и виленскаго жандармскаго штабъ-офицера полковника Лосева—оба оказавшіе способности при производствѣ слѣдствія въ Западномъ краѣ. Я тотчасъ же изъявилъ согласіе принять возлагаемое на меня дѣло. Гр. Муравьевъ раздѣлялъ тогда общее убѣжденіе, что преступникъ если не полякъ, то неминуемо ихъ

орудіе; показавъ же мнѣ его карточку, онъ доказывалъ, что наружность его не русская, къ сожалѣнію, предположенія его оказались ошибочными, и при всемъ общемъ желаніи обнаружить прямое участіе поляковъ въ этомъ преступленіи не удалось.

Черезъ два дня, получивъ предписаніе Военнаго Министра объ откомандированіи моемъ въ Высочайше утвержденную Комиссію, я прибылъ въ III отдѣленіе. Начинаю съ состава комиссіи. Предсѣдатель Ланской, члены, ген. Огаревъ, ген. Мезенцевъ, свиты Е. Велич. Слѣпцовъ, директоръ департамента Министръ Юстиціи баронъ Егоръ Егоровичъ Врангель (нынѣ сенаторъ). Дѣйствительно способными и умными людьми между ними были только Мезенцевъ и Огаревъ, но, къ сожалѣнію, первый, замѣчательно лѣнивый, не занимался въ Комиссіи, отзываясь занятіями своими по штабу (въ дѣйствительности занимался г-жей Бланшъ, находящейся у него на содержаніи француженкой), второй, не менѣе лѣнивый, къ тому же непростительно апатичный къ дѣламъ службы, въ данномъ случаѣ нисколько не измѣнилъ своего рода жизни, думая только о томъ, чтобы получше позавтракать и пообѣдать, послѣ какихъ подвиговъ онъ терялъ рѣшительно способность открывать глаза и что-нибудь понимать. Впрочемъ, съ назначеніемъ гр. Муравьева Огаревъ отчасти сталъ дѣятельнѣе и былъ дѣйствительно полезнымъ членомъ, если не лучшимъ. Остальные члены, не исключая Предсѣдателя, были величайшія неспособности для дѣла, на нихъ возложеннаго: ни ума, ни характера, ни воспитанія, ни одного изъ этихъ необходимыхъ качествъ для образованія хорошаго слѣдователя господа эти не имѣли.

Ланской, добрый старикъ, хорошій въ свое время кавалерійскій офицеръ, видимо, чуждался дѣятельности предсѣдателя Слѣдств. Комиссіи (что мнѣ откровенно не разъ лично самъ высказывалъ). Слѣпцовъ, баснословно глупый и пустой человѣкъ, всѣмъ обязанный Государю, не имѣлъ даже при этомъ случаѣ достаточной силы воли, чтобы расшевелить свою врожденную лѣнь. Врангель, пользующійся репутацией умнаго человѣка и въ дѣйствительности, бывший, сколько я его знаю, таковымъ, былъ назначенъ въ Комиссію за нѣсколько дней до гр. Муравьева и потому о дѣятельности его судить не могу. Личность послѣдняго члена, Т. А. Анненкова, достаточно извѣстна: добродушный честный генераль этотъ былъ между тѣмъ олицетвореніемъ неспособности, какъ оберъ-полицмейстера, а потому и однородной дѣятельности

члена Комиссіи. Въ 1863 году, когда въ комиссіи рѣшена была необходимость ареста и обыска Утина, Анненковъ, какъ членъ комиссіи, просилъ это отложить на нѣсколько дней, имѣя особыя къ тому и важныя причины и увѣривъ, что Утинъ давно уже у него подъ строжайшимъ полицейскимъ надзоромъ; когда же черезъ 4 дня рѣшился и онъ арестовать Утина, видя, что надзоръ не обнаруживаетъ новыхъ обвиненій—сей послѣдній былъ уже въ Швейцаріи Главнымъ же руководителемъ и дѣйствительнымъ предсѣдателемъ Комиссіи былъ дѣлопроизводитель оной, аудиторъ Переяславцевъ. Человѣкъ работающій, не лишенный ума, но необразованный и грубый, онъ въ дѣйствительности вель дѣло до назначенія гр. Муравьева.

Въ три дня предсѣдательства гр. Муравьева обнаружено было, что преступникъ, имя котораго было Каракозовъ (Дмитр. Владим.), былъ членомъ тайнаго общества, учредившагося съ цѣлью ниспровергнуть правительство и произвести соціальныя перевороты. Кромѣ Каракозова арестованы были домашній учитель Худяковъ, почетный гражданинъ Ишутинъ, двор. Ермоловъ, Странденъ, студенты Спб. Медико-хирургической академіи братья Кобылины и мѣщанинъ Никифоровъ. Черезъ нѣсколько дней подвергнуты были аресту остальные члены общества „Ада“: Юрасовъ, Загигаловъ, Шагановъ, Матковъ. Къ открытію этихъ послужилъ назначенный Гр. Муравьевымъ обыскъ въ Знаменской гостиницѣ.

Въ диванѣ номера, гдѣ проживалъ за нѣкоторое время до преступленія Каракозовъ, найденъ былъ изорванный въ клочки лоскутъ бумаги. По собраніи его оказалось, что это былъ разорванный конвертъ съ подписью: въ Москву д. Полякова Ник. Анд. Ишутину. Еще прежде, при доставленіи Каракозова, найдены были у него прокламаціи и письмо безъ конверта, въ которомъ преступникъ увѣдомлялъ въ скрытыхъ выраженіяхъ о скоромъ исполненіи намѣренія своего. Въ письмѣ этомъ онъ какъ будто укорялъ въ чемъ-то лицо, къ которому было оно адресовано. Смыслъ письма, также какъ и причины, по которой оно не было отправлено Каракозовымъ, остались Комиссіей неоткрытыми, но съ вѣроятностью полагать надо, что найденный конвертъ долженъ былъ заключать это письмо. Тотчасъ же по обнаруженіи этого адреса послана была Московскому Генераль-Губернатору депеша объ арестованіи Ишутина и тѣхъ, которые съ нимъ окажутся на жительствѣ или посѣтителей. Черезъ два дня привезенъ въ Петербургъ былъ

Ишутинъ и сожитель его дв. Ермоловъ. Проведенному въ одной изъ комнатъ III отд. Ишутину былъ показанъ за дверью преступникъ, котораго онъ тотчасъ же назвалъ своимъ двоюроднымъ братомъ дв. Каракозовымъ. Заплававъ, онъ тутъ же сталъ увѣрять всѣхъ, что онъ ничего не имѣлъ общаго съ задуманнымъ Каракозовымъ преступленіемъ.

Дальнѣйшее раскрытіе, вѣроятно, отложилось бы на долгое время, если бы не явилась въ это время личность, рѣшившаяся для собственнаго спасенія сразу открыть комиссії всю извѣстную ему тайну соучастниковъ Каракозова. Личность эта была полякъ Корево, принятый въ число членовъ общества, къ которому принадлежали Каракозовъ, Ишутинъ, Ермоловъ и другіе. Узнавъ объ арестѣ Ишутина и предвидя, что дѣло погибло, что неминуемо рано или поздно доберутся и до него, Корево явился къ Московскому оберъ-полицеймейстеру г.-м. Арапову и объяснилъ, что знаетъ сообщниковъ Каракозова; онъ просилъ его отправить въ Петербургъ для личнаго объявленія ему извѣстнаго гр. Муравьеву. Просьба его немедленно была исполнена, и арестованный при III отд. Корево объяснилъ слѣдующее.

Въ 1864 г. или началъ 1865 г. образовалось въ Москвѣ тайное революціонное общество, имѣвшее цѣлью ниспровергнуть существующій порядокъ вещей. Средствомъ этого общества были избраны пропаганда, которою намѣревались приготовить, такъ сказать, народъ къ предпринимаемому, вселяя недовѣріе къ правительству и вооружая его противъ сословныхъ преимуществъ дворянства. Воспитаніе считалось однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для успѣха дѣла, а потому общество это открывало на свои средства школы, въ которыхъ громко проповѣдывало свое ученіе.

Артели, ассоціаціи представляли обширное поле пропаганды, а потому учрежденіе это особенно покровительствовалось обществомъ. Когда достаточно дозрѣетъ дѣло, общество это полагало приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ, начиная съ убійства императора и истребленія всего царствующаго дома. Время это опредѣлялось обществомъ приблизительно черезъ 10—15 лѣтъ. Главными учредителями общества были Ермоловъ, Странденъ, Ишутинъ, Матковъ. Въ концѣ 1865 г. образовалось новое общество изъ болѣе горячихъ головъ, первые члены котораго полагали необходимымъ начать дѣло прямо съ истребленія царской фамиліи и объявленія республиканскаго образа правленія.

Общество это называлось „Адомъ“. Члены его—моргусы были: Каракозовъ, Юрасовъ, Загигаловъ, Страндечъ, Ишутинъ, Ермоловъ, Николаевъ, Матковъ. Прежнее общество продолжало существовать подъ названіемъ Организаци, и только нѣкоторымъ членамъ онаго было извѣстно объ обществѣ „Ада“.

Свѣдѣнія эти были объ Московскомъ Обществѣ но Корево объяснилъ, что и въ Петербургѣ, сколько ему извѣстно, есть общество, находящееся въ сношеніяхъ съ Московскимъ. Сношеніе же производилось черезъ Худякова и Никольскаго (оба бывшіе студенты С.-П. У., послѣдній—выключенный за участіе въ безпорядкахъ 1862 г.).

Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла при поступленіи моемъ въ слѣдственную комиссію, но тутъ я долженъ обратиться ко времени, предшествовавшему преступленію Каракозова. За нѣсколько дней до преступленія 4 апрѣля въ теченіе св. недѣли С.П. военный губернаторъ Суворовъ получилъ письмо отъ нѣкоего Ножина (бывшаго воспитанника лицея) изъ Маріинской больницы. Ножинъ писалъ, что чувствуя приближеніе смерти, онъ проситъ Суворова навѣстить его въ больницу и выслушать отъ него важную тайну. Сколько мнѣ извѣстно, просьба Ножина не была уважена. 5 апрѣля вспомнили объ этомъ и тотчасъ отправились въ Маріинскую больницу, гдѣ узнали, что Ножинъ умеръ 2 апрѣля. Обстоятельство это имѣло огромное вліяніе на открытія слѣдственной комиссіи, какъ ниже будетъ видно.

По прибытіи моемъ въ комиссію я былъ тотчасъ отправленъ въ номеръ Каракозова, имѣвъ порученіе отъ Муравьева удостовѣриться, не тотъ ли это Каракозовъ, который находился въ одно со мною время въ Юнкерской школѣ, буде же нѣтъ, то въ какой степени находится съ нимъ въ родствѣ.

При входѣ къ преступнику я былъ пораженъ наружностью его. Снятыя съ него фотографическія карточки далеко не походили на него. Росту большого, сложенный хорошо, съ правильными чертами лица, Каракозовъ былъ, что принято называть, красивымъ мужчиной. Но, всмотрѣвшись внимательнѣе, нельзя было не обратить вниманія на рѣзкость въ перемѣнѣхъ выраженій взгляда. Онъ выражалъ не любопытство при видѣ меня, для него совершенно новаго лица, не выражалъ упадка духа, спокойное невозмутимое хладнокровіе, скажу болѣе, какое-то болѣзненное спокойствіе въ глазахъ быстро смѣнялось безъ всякой причины взглядомъ, выражавшимъ испугъ

страхъ. Подобный взглядъ мнѣ случалось видѣть только у сумасшедшихъ во время видѣній или страшныхъ картинъ галлюцинацій. Мнѣ часто приходилоо говорить впоследствии съ докторами объ Каракозовѣ, и никто меня не разубѣдилъ въ составившемся у меня мнѣніи, что онъ былъ человѣкъ больной въ первомъ фазисѣ сумасшества, который неминуемо галлюцинировалъ и руководствовался фальшивой волей или, скорѣе сказать, волею не руководствовалъ разсудокъ.

Оказалось, что Каракозовъ былъ дальній родственникъ моего по школь товарища и почти его не зналъ. Я у него провелъ почти часъ, стремясь что-нибудь допытаться, но, признаться долженъ, ничего не могъ добиться. Мы вступили наконецъ съ нимъ въ разговоръ, почти не подходящій къ дѣлу, а именно о томъ, что предпринято было для Россіи царствующими императорами.

Каково было мое удивленіе, что Каракозовъ плачетъ. Спросивъ о причинѣ, онъ очень спокойно отвѣчалъ: „Не могу не сожалѣть, что покушался на жизнь такого правителя, какъ Александръ II, но не въ него я стрѣлялъ, я преслѣдовалъ въ немъ императора—и въ этомъ не раскаиваюсь“.

Человѣкъ здоровый не сказалъ бы того, наконецъ, слезы доказывали, до какой степени нервы были разстроены; въ этомъ случаѣ онъ не старался, какъ и впоследствии, себя сберечь, въ немъ виденъ былъ человѣкъ, порѣшившій съ жизнью.

Дней черезъ 10 по назначенію Муравьева составъ комиссіи измѣнился. Изъ прежнихъ членовъ выбылъ баронъ Врангель, котораго графъ особенно не возлюбилъ, когда этотъ послѣдній, не просмотрѣвъ даже отобранныхъ у Ишутина бумагъ, объявилъ, что въ нихъ ничего предосудительнаго нѣтъ. вмѣстѣ съ тѣмъ назначены были въ комиссію кромѣ меня—Лосевъ и Никифораки. Изъ прежнихъ членовъ продолжалъ заниматься только Огаревъ. Ланской совершенно прекратилъ даже поѣздки въ комиссію. Слѣпцовъ пріѣзжалъ только къ завтраку. Мезенцевъ при назначеніи шефомъ гр. Шувалова имѣлъ особыя занятія по штабу. Анненковъ сдавалъ должность Трепову. Такимъ образомъ, вся тяжесть занятій пала на насъ. Число арестованныхъ ежедневно увеличивалось, и не было физической возможности съ успѣхомъ продолжать разспросы, не смотря на то, что мы безвыѣздно пребывали съ 10 ч. утра до 3—4 ч. ночи въ III отд. Въ особенности терялъ терпѣніе лѣнливый Огаревъ. Гр. Муравьевъ между тѣмъ придумалъ средство

совершенно намъ не выѣзжать въ теченіе дня изъ комиссіи. Оно заключалось въ томъ, что въ комиссію присылался ежедневно завтракъ, обѣдъ и чай отъ Двора (отпускалось человѣкъ на 7). Такимъ образомъ, мы даже обѣдать обязаны были въ комиссіи. Между тѣмъ допросы производились другимъ способомъ. Комиссія не собиралась въ теченіе дня въ цѣломъ составѣ для допроса, а 2—3 членамъ поручалось снять показаніе съ назначаемыхъ къ допросу арестованныхъ. Вечеромъ же въ присутствіи гр. Муравьева и всѣхъ насъ читались дѣлопроизводителемъ данныя въ теченіе дня отзвы и изъ этихъ разныхъ показаній составлялось сличеніемъ ихъ цѣлое, формулировались для слѣдующаго дня вопросные пункты, предназначались очныя ставки, дѣлались распоряженія къ аресту втеченіи ночи вновь привлекаемыхъ къ дѣлу лицъ. Хотя порядокъ этотъ былъ не совершенно легаленъ, ибо обвиняемые давали отвѣты не передъ цѣлою комиссіею, но способъ этотъ давалъ возможность скорѣе допрашивать массу обвиняемыхъ, которыхъ черезъ три недѣли было до 100 человѣкъ. Независимо отъ того допрашиваемые гораздо сообщительнѣе, когда отвѣтъ дается одному или двумъ лицамъ, чѣмъ цѣлою комиссіи, передъ которою они нерѣдко позируютъ. Въ особенности, по замѣчанію моему, полезенъ этотъ способъ допроса, когда арестованному предлагается вопросъ, по которому онъ долженъ выдать своего сообщника. Борьба въ подобныхъ случаяхъ трудна и, если допрашиваемый убѣжденіями или ловкостью проговаривается, то не передъ цѣлою комиссіею. Никто не усумнится, что человѣкъ, выдающій своего брата, стыдится того и подобную рѣшимость можетъ имѣть только съ глазу на глазъ съ слѣдователемъ—мало того, рѣдко даже онъ имѣетъ смѣлость это высказать, почти всегда излагаетъ письменно.

На мою долю выпало допрашивать съ г. г. Огаревымъ и Лосевымъ. Что насъ изнуряло—было безсонныя ночи, послѣ которыхъ и работа не могла идти успѣшно, ибо просто голова не была свѣжа. Комиссія занималась до 2—3 ч. ночи, послѣ чего по заведенному порядку мы отправлялись на обыски и аресты, такъ какъ Муравьевъ не довѣрялъ, и совершенно справедливо, полиціи. Возвращались мы около 5—7 ч. утра, а въ 10 собиралась уже комиссія. Впрочемъ, столь трудное время продолжалось недолго. Черезъ 2 недѣли были призваны въ комиссію нѣсколько офицеровъ изъ гвардейскихъ полковъ, а именно полковникъ Панютинъ, гр. Клейнмихель 2-й, капит. Тиньковъ, Ва-

сильковский и баронъ Розень. Съ прибытіемъ этихъ офицеровъ дѣло допросовъ стало быстро идти, и въ особенности обрадовался я тому обстоятельству, что отдѣлался отъ ночныхъ хожденій на обыски и аресты.

Въ концѣ апрѣля заговорилъ наконецъ и Каракозовъ. Послѣ продолжительнаго допроса онъ сознался, что рѣшился на преступленіе, узнавъ отъ студента Кобылина, что въ С.П.Б. существуетъ тайное общество, которое только и ждетъ, что смерти государя, чтобы приступить къ дѣлу. (Кобылинъ былъ арестованъ, потому что обнаружено было, что до покушенія Каракозовъ одно время проживалъ у него). Каракозовъ объявилъ, что о намѣреніи его стрѣлять въ государя зналъ одинъ лишь Кобылинъ, что сей послѣдній называлъ ему нѣкоторыхъ членовъ С.-Петербургскаго общества, называемаго Константиновскимъ, что припоминаетъ онъ лишь фамиліи Путяты и Ножина. Вечеромъ при чтеніи сего показанія были истребованы гр. Шуваловымъ свѣдѣнія отъ Мезенцева, извѣстны ли личности III отдѣленію.

Оказалось, что Ножинъ давно былъ извѣстенъ полиціи, какъ личность, долгое время время проживавшая за границей, гдѣ вступилъ въ самыя близкія отношенія съ польскими и русскими эмигрантами; въ особенности же извѣстенъ онъ былъ по производившемуся объ немъ дѣлу, по которому онъ обвинялся въ любовной связи съ своею родною сестрою. Дѣло это ничѣмъ не кончилось, между тѣмъ ни отъ кого не было тайной преступное отношеніе его къ сестрѣ.

Еще прежде при первомъ допросѣ Худякова произнесено было этимъ послѣднимъ его имя. Худяковъ, обдумавъ свое положеніе, рѣшился высказаться настолько, чтобы не заподозрили его въ упорствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности оградить себя. Смерть Ножина представляла къ тому прекрасное средство.

Такъ какъ комиссіи извѣстно было, что Худяковъ служить связью между Петербургскимъ и Московскимъ тайными обществами, то вопросъ былъ ему поставленъ, а именно отъ него требовались свѣдѣнія объ Петербургскомъ обществѣ, его составѣ, цѣли и какія были сношенія съ Московскимъ. Худяковъ прямо сознался въ томъ, что предпринималъ частыя поѣздки въ Москву, былъ знакомъ съ Каракозовымъ, Ишутинымъ и проч., но не зналъ, что они составляютъ тайное общество. Занимаясь литературой, онъ по дѣламъ распродажи своихъ изданій ѣздилъ въ Москву. Ишутинъ и Ко, открывая и поддерживая

разныя школы, были однимъ изъ покупателей его книгъ. Объ обществѣ въ Петербургѣ слышалъ, что такое существуетъ отъ Ножина, но ни составъ, ни цѣли его ему неизвѣстны. Видясь съ своими московскими пріятелями, Ишутинымъ и другими, онъ иногда вступалъ съ ними въ политическіе разговоры, но то были совершенно частныя разсужденія, не имѣющія никакого отношенія со вводимую на него клеветою о томъ, что онъ служилъ связью двухъ тайныхъ обществъ. Ножинъ умеръ (Худяковъ дѣлалъ видъ, что того не зналъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ оставался одинъ Кобылинъ для разъясненія этого дѣла.

III отдѣленіе имѣло свѣдѣніе и объ Путятѣ (подполковникъ, бывшемъ преподавателѣ Кадетскаго корпуса, оставленномъ за штатомъ, а затѣмъ уволенномъ отъ службы вслѣдствіе усмотрѣннаго коммунистическаго его образа мыслей и опасенія, дабы направленіе это не возымѣло дурныхъ послѣдствій на учащуюся молодежь).

За увертливостью Худякова (показывавшаго все на Ножина) и запирательствомъ Кобылина указаніе на Путятю имѣло весьма важное значеніе для дальнѣйшихъ открытій по Петербургскому обществу и потому приняты были самыя осторожныя мѣры для его арестованія. Гр. Шуваловъ въ особенности опасался, чтобы Путятя не наложилъ на себя руки при арестованіи. Дѣло это было возложено на меня; часа въ 3 ночи я отправился въ сопровожденіи жандармскаго майора Чулкова, двухъ приставовъ, 4 жандармовъ и столькихъ же городовыхъ въ походъ. Путятя проживалъ на Петербургской сторонѣ; прибывъ на мѣсто, я приказалъ оцѣпить домъ полицейскимъ, которыхъ число дорогой еще прибавилось, и въ сопровожденіи жандармовъ вошелъ въ его квартиру. Появленіе мое было столь неожиданно, что Путятя не успѣлъ вскочить еще съ кровати. Я тотчасъ просилъ его одѣться и, посадивъ благополучно въ карету, отвезъ въ крѣпость, поручивъ полиціи опечатать и приставить караулъ къ кабинету, дабы на другой день приступить можно было къ обыску. Къ сожалѣнію, успѣшное нахожденіе это не повело ни къ чему, ибо, какъ ожидать слѣдовало, Путятя ни въ чемъ не сознался, Кобылинъ не могъ его уличить, такъ какъ для того надо было самому сознаться, а кто себѣ врагъ. Наконецъ, Худяковъ продолжалъ все совѣтовать допросить Ножина. Комиссіи было извѣстны и составъ и цѣль Московскаго общества «Ада» и Организациіи. Оставалось обнаружить членовъ Петербургскаго общества, дѣятельность ихъ и членовъ „Ада“ въ преступленіи Каракозова.

Члены „Ада“ и Организациі были всѣ арестованы, изъ членовъ СПБ. общества былъ арестованъ Путята и несомнѣнные члены того общества Худяковъ, Кобылинъ, Никольскій. Какъ бы въ подтвержденіе показанія Каракозова и другіе члены „Ада“ (Николаевъ, Матковъ) стали объяснять, что, какъ имъ объяснялъ Худяковъ, въ Петербургѣ существуетъ общество такъ называемое Константиновское, образовавшееся съ одинаковою, какъ Московское, цѣлью. Въ комиссіи рѣшились наконецъ дать очную ставку Каракозову съ Кобылинымъ для уличенія послѣдняго въ знаніи о существованіи въ Петербургѣ тайнаго общества и принадлежности къ нему Путяты и Ножина. Очная эта ставка не привела ни къ чему и Кобылинъ горячо отвергалъ справедливость словъ Каракозова, Также не сознавался онъ въ знаніи о намѣреніи Каракозова на жизнь государя, а тѣмъ болѣе въ данномъ ему отвѣтъ исполнить это. Не смотря на подробность, съ которою Каракозовъ напоминалъ ему ихъ разговоръ, ничего не могло поколебать упорства послѣдняго. Когда дѣло дошло до найденнаго у Каракозова яда (растворъ стрихнина), который онъ получилъ отъ Кобылина наканунѣ преступленія на мосту въ 3-мъ часу пополудни и когда по дознанному комиссіей Кобылинъ дѣйствительно выходилъ въ это время изъ дома и ядъ оказался частью хранящейся у него на квартирѣ, Кобылинъ заплакалъ и сталъ обвинять Каракозова въ желаніи его погубить гнусною ложью. Очная ставка прекратилась, не раскрывъ ничего. Между тѣмъ продолжалось розысканіе о томъ, гдѣ проживалъ Каракозовъ до дня совершеннаго имъ преступленія. Изъ Знаменской гостинницы онъ выѣхалъ за 3 дня до 4 апрѣля и гдѣ проведены имъ были эти дни, осталось неоткрытымъ. Каракозовъ до послѣдняго дня утверждалъ, что онъ нигдѣ не жилъ, скитаясь день по улицамъ, а ночь проводилъ подъ колоннадой Казанскаго собора. Точно также не обнаружено, гдѣ онъ провелъ 10 дней между тѣмъ, какъ выѣхалъ отъ Кобылина и поселился въ Знаменской гостинницѣ. По этому обстоятельству Каракозовъ объяснилъ, что онъ проживалъ это время на Выборгской сторонѣ у рядового (отставнаго) Цеткина, у котораго занималъ уголь въ квартирѣ. Но по показанію Цеткина оказалось, что Каракозовъ провелъ у него три дня; гдѣ же проживалъ остальные 7 дней при всѣхъ усиліяхъ комиссіи осталось тайной. На очныхъ ставкахъ Каракозовъ съ Цеткинымъ каждый остался при своихъ показаніяхъ, но нѣтъ сомнѣнія, что справедливость на сторонѣ второго, которому и не было

причины говорить неправду. Должно думать, что Каракозовъ провель эти дни у Худякова или у какихъ—нибудь членовъ СПБ. общества, можетъ быть, у Путята, котораго онъ, впрочемъ, какъ увѣрялъ, не зналъ, никогда не видалъ и только о немъ слышалъ отъ Кобылина. Путята, Худяковъ, Никольскій и Кобылинъ были между собою знакомы и того въ комиссії не скрывали; откуда могло придти на мысль оклеветать Путяту (какъ впоследствии было понято въ Верховномъ Судѣ обвиненіе его), если онъ его не зналъ или если Кобылинъ объ немъ не говорилъ, какъ утверждалъ первое Каракозовъ, второе Кобылинъ? Точно также видимо ложно показаніе Кобылина о причинѣ, по которой проживалъ у него одно время Каракозовъ.

По объясненію обоихъ они познакомились въ январѣ 1861 въ бытность Каракозова въ клиникѣ, гдѣ онъ пользовался отъ сифилиса и гдѣ дежурилъ Кобылинъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ Каракозовъ, прибывъ въ Петербургъ, не имѣя средствъ проживать въ гостиницѣ или гдѣ-либо за плату, поселился на жительство къ Кобылину, который его къ себѣ принимаетъ, какъ объяснялъ, изъ жалости. Допускаетъ ли здравый смыслъ правдоподобія подобнаго объясненія? Несомнѣнно, что если Каракозовъ, прибывшій въ Петербургъ для совершенія задуманнаго преступленія, остановился у Кобылина, то былъ съ нимъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ и рассчитывалъ на него, что не будетъ выданъ имъ послѣ преступленія, когда скрывалъ свое имя. Кобылинъ утверждалъ, что онъ почти не зналъ Каракозова, но принималъ его на жительство незнакомаго почти.

Въ программѣ тайнаго общества, какъ выше было сказано, была необходимость пропаганды. Если въ Москвѣ общество открывало съ особою дѣятельностью школы, не жалѣя средствъ, которые заключались, главнымъ образомъ, въ состояніи Ермолова (капиталь 50 тыс. руб.). Петербургъ, какъ центръ воспитанія представлялъ особенное удобство дѣлу пропаганды. Университетъ, Медико-хирургическая Академія, Технической Институтъ были прекрасною ареною для задуманной дѣятельности. Дѣло это въ Петербургѣ было ведено, какъ сдѣлалось извѣстнымъ комиссії, Никольскимъ въ Университетѣ, Худяковымъ въ Технологическомъ Институтѣ.

Въ концѣ апрѣля гр. Муравьевъ поручилъ мнѣ изслѣдовать тщательно дѣятельность Никольскаго. Черезъ нѣкоторое время представилъ я подробное донесеніе, составленное изъ показаній разныхъ

призванныхъ въ комиссію для допроса студентовъ. Вотъ что обнаружилось: въ 1862 г. слѣдствіе возникшихъ въ Университетѣ безпорядковъ первымъ распоряженіемъ правительства было: закрыть Университетъ и снять со студентовъ существовавшую форму одежды. Впослѣдствіе при открытіи Университета объявлено было, что въ слушаніи лекцій, студенты подчиняются университетскому начальству только во время нахождения ихъ въ стѣнахъ Университета, затѣмъ внѣ его они подчиняются общимъ полицейскимъ правиламъ, для жителей города существующимъ, коими воспрещено всякое неизвѣстное правительству общество или собраніе. Несмотря на ясность закона 1863 г., стали формироваться между студентами Петербургскаго Университета такъ называемые кружки. Каждый кружокъ состоялъ изъ 10 по меньшей мѣрѣ членовъ, выбиравшихъ одного депутата, депутаты въ свою очередь составляли депутатскія собранія. Въ число членовъ кружка допускались и постороннія лица, преимущественно вышедшія по какимъ-либо причинамъ изъ Университета. Никольскій, исключенный изъ Университета за безпорядки 1862 г., не преминулъ явиться однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ кружка, гдѣ обыкновенно проповѣдывалъ свое ученіе. Хотя образованіе кружковъ имѣло цѣлью, какъ нѣкоторые допрошенные показали, ближайшее ознакомленіе (въ уставѣ, объединеніе) студентовъ для улучшенія ихъ матеріальныхъ нуждъ, но въ дѣйствительности, какъ показали другіе, было стремленіе къ самоуправленію. Пожертвованія, сборы съ концертовъ, литературныхъ вечеровъ и пр., обязательный ежемѣсячный денежный взносъ съ членовъ кружковъ выдавались по опредѣленію Депутатскаго Собранія, обязанность коего была рѣшать споры и неудовольствія между членовъ кружковъ; рѣшеніе же собранія считалось окончательнымъ. Изъ дѣла оказалось, что студентами членами кружковъ Никольскимъ и другими устроена была на Васильевскомъ острову кухмистерская, распорядителемъ коей былъ Никольскій. Совершенно подобное учрежденіе, какъ по розыскамъ оказалось, существовало въ Технологическомъ Институтѣ, гдѣ проводникомъ революціонныхъ идей и руководителемъ дѣла явился Худяковъ. Словомъ сказать, въ городѣ существовало нѣсколько корпорацій, имѣвшихъ свои средства, свой судъ, гдѣ питались идеи, враждебныя правительству. Не входя въ разбирательство пользы или вреда изданнаго при открытіи Университета закона о воспрещеніи всякихъ общественныхъ сношеній между студентами внѣ Университета, даже

подъ благовидною цѣлью матеріальной помощи нуждающимся, надо сознаться, что законъ этотъ не исполнялся. Что же дѣлали власти? Изъ дѣлъ III отдѣленія и Высоч. Утвержд. Слѣдственной Комиссiи видно, что по дошедшимъ свѣдѣніямъ 1863 г. объ образованіи между студентами общества кружковъ и общей кассы было доведено о томъ до свѣдѣнія государя, повелѣвашаго не допускать сего и сообщать кому нужно. А потому сообщено было мин. нар. просвѣщенія и С. П. В. Воен. мин. генер.-губ. Суворову. Интересенъ отвѣтъ перваго, въ которомъ онъ говорилъ, что студенты по новому уставу суть отдѣльные посѣтители университета, что по тому же уставу всякія общества и кружки *студентовъ не допускаются въ стѣнахъ университетовъ* (какъ будто внѣ ихъ допускаются) и что со стороны студентовъ не было никакого домогателя. устроить подобныя учрежденія въ университетѣ, что въ уставѣ объяснено, что студенты, какъ всѣ вообще жители города, подлежатъ общимъ политическимъ правиламъ относительно обществъ, библіотекъ и кассъ, что университетское начальство не имѣетъ никакого отношенія къ подобнымъ учрежденіямъ, *еслибъ гражданское начальство дозволило оное внѣ университета, а потому намъренье устроить кассу, библіотеку, общество внѣ университета, разсужденіе объ этомъ, составленіе проекта и правилъ не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго.* Неслыханная дерзость министра, оправдывающаго поступки студентовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ! Наконецъ, Головинъ лгаль, *когда говорилъ, что со стороны студентовъ не было никакого домогательства устроить подобное учрежденіе въ университетѣ.* Напротивъ того, по дѣлу обнаружилось, что о существованіи общества изъ студентовъ извѣстно было университетскому начальству, ректору, министру и субъ-инспектору. Профессора Университета Андреевскій, Миллеръ, Менделѣевъ и Бауеръ были контролерами кружка, т. е. деньги, вырученныя отъ спектаклей и проч., были роздаваемы депутатскимъ собраніемъ, а расписки въ полученіи студентами пособій представлялись собраніемъ симъ профессорамъ. О существованіи кухмистерскихъ также было университетскому начальству извѣстно. На стѣнахъ залъ университета были наклеены объявленія о сей кухмистерской, подписанныя начальствомъ университета; наконецъ, при открытіи ея присутствовалъ профес. Рѣдькинъ. Но если Головинъ отвѣтилъ так. обр. Высоч. Учр. Слѣдственной Комиссiи и если его отзвѣвъ, какъ лучший противъ него обвинительный актъ, хранится въ дѣ-

лахъ III отдѣленія, генер.-губ. князь Суворовъ еще лучше поступилъ.

Студентъ Корсаковъ показалъ: Разрѣшеній на открытіе кружковъ дано не было. Было испрашиваемо у князя Суворова позволеніе объ открытіи Общества и кассы. Генераль-губернаторъ сказалъ, что существовать кружкамъ онъ препятствовать не будетъ, но офиціально разрѣшенія дать не можетъ, а будетъ смотрѣть на это сквозь пальцы. И это ввиду состоявшагося Высочайшаго повеленія! Если я распространился по этому дѣлу, то это для того, чтобы показать, какъ успѣшно могли дѣйствовать Худяковъ и Никольскій при подобномъ, смѣломъ отступленіи отъ закона. Кому неясно, что кружокъ и собраніе было обширнымъ полемъ для работы этихъ господъ, наконецъ члены этихъ кружковъ были контингентъ для тайнаго общества! Въ кружкахъ направлялось мысль членовъ и выбирались способные для поступленія въ тайное общество.

Исторія кружковъ была одной изъ главныхъ причинъ послѣдовавшаго вслѣдъ затѣмъ увольненія кн. Суворова, а отчасти и Головина, которому, вѣроятно, болѣе всего повредило дѣло Гейдельбергской читальни (очень подробно и удачно выведенной К. Васильковскимъ), по которому обнаружилось, что министерство при своихъ средствахъ снабжало эту читальню запрещенными въ Россіи книгами—лучшаго Герценъ съ Огарьевымъ не могли сдѣлать! Я не намѣренъ обвинять кн. Суворова въ измѣнѣ, сохрани Боже, это личность всецѣло преданная Императору, можетъ статься, одинъ изъ важнѣйшихъ его слугъ, но желаніе сыскать популярность вездѣ и всегда вредило ему, какъ въ этомъ случаѣ, также и въ польскомъ вопросѣ, гдѣ онъ выступилъ защитникомъ поляковъ. Не могу того же сказать о Головинѣ, онъ слишкомъ уменъ, чтобы не заподозрить съ основаніемъ солидарность его идей съ идеями людей которые вслѣдъ за выстрѣломъ Каракозова отправлены были въ Сибирь. Между тѣмъ разслѣдованіе надъ арестованными лицами обнаружило, что, имѣя въ виду совершить общественный переворотъ, члены Ада и Организациіи пришли къ тому заключенію, что для успѣха дѣла нужны люди испытанные, съ твердою волею. Кто лучше тѣхъ, которые пострадали за свои убѣжденія, могли вести это дѣло? а потому задумано было освобожденіе изъ рудниковъ цѣлаго ряда сосланныхъ за политическія преступленія лицъ. Чернышевскій и Серно-Соловьевичъ были первыми, о которыхъ стали хлопо-

татъ. Для достиженія этихъ цѣлей Странденъ долженъ былъ въ сопровожденіи кого-нибудь изъ членовъ отправиться въ Сибирь, гдѣ путемъ лести, обмана, яда и бунта достичь цѣли освобожденія этихъ двухъ каторжниковъ. Между тѣмъ въ Москвѣ, Казани и др. мѣстахъ готовились безопасные пріюты освобожденнымъ.

По показанію арестованныхъ оказалось, что они сильно рассчитывали въ этомъ дѣлѣ на помощь поляковъ, которымъ они нерѣдко оказывали услуги, скрывая ихъ бѣглыхъ. Гр. Муравьевъ былъ, видимо, обрадованъ этому показанію, надѣясь, наконецъ, напасть на слѣдъ поляковъ, которыхъ онъ продолжалъ подозрѣвать руководителями дѣла (Сознаніе Ишутина, Ермолова и др. членовъ Ада въ томъ, что у нихъ скрывался одно время до отправленія за границу бѣжавшій изъ Колымажскаго двора (тюремный замокъ въ Москвѣ) преступникъ Домбровский, представлялъ удобный случай, и Михаилъ Николаевичъ поручилъ мнѣ подробно допросить всѣхъ членовъ Общества съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣкоторое время отправиться въ Москву для производства на мѣстѣ слѣдствія о побѣгѣ Домбровскаго. Было начало мая. Занимаясь въ Комиссіи почти со дня назначенія Предсѣдателемъ оной гр. Муравьева, я однако не былъ членомъ ея, несмотря на то, что подписывалъ наказанія и протоколь комиссіи. Гр. Муравьевъ, опасаясь, чтобы со временемъ въ судѣ не возбудило бы это какой-нибудь вопросъ и т. п., въ особенности же виду предположенія моей поѣздки въ Москву, испросилъ Высочайшее повелѣніе о назначеніи моемъ, а также и прочихъ лицъ, занимавшихся въ Комиссіи членами оной. Т. обр., подбиралъ я нужныя свѣдѣнія для предполагаемой командировки. Результатомъ моихъ распросовъ было сознаніе всѣхъ членовъ въ укрывательствѣ у себя Домбровскаго, но какимъ образомъ сей послѣдній бѣжалъ изъ тюрьмы, а также кто снабдилъ его впоследствии паспортомъ, по которому онъ выѣхалъ за границу, допрашиваемые не знали; одно, что мнѣ удалось дознаться—это то, что устроилъ побѣгъ Домбровскаго нѣкто Шостаковичъ, который и привелъ бѣглеца на квартиру Ермолаева и К^о. прося оказать ему убѣжище. Стали наводить справки о Шостаковичѣ, кто онъ, гдѣ обрѣтается, какъ неожиданно полученное Московскимъ Губ. Жандарм. полковникомъ Васиковымъ анонимное письмо открыло мѣсто пребыванія Шостаковича. Въ письмѣ этомъ сообщалось о существованіи въ Москвѣ партіи изъ русскихъ и поляковъ, стоящихъ за освобожденіе Польши и стремившихся произвести въ Россіи

возстаніе. Лица эти учредили комитеты въ разныхъ городахъ Россіи для освобожденія сосланныхъ политическихъ преступниковъ. Члены общества въ Москвѣ А. П. Равинскій, К. Н. Пахановъ, полков. Волховской, Фицнеръ, Гроссъ, наконецъ, въ Казани Б. Шостаковичъ, у него печать комитета о „Землѣ и Волѣ“, фальшивая печать С. П. Управы благочинія, фальшивыя ассигнаціи 5 рублеваго достоинства, фальшивыя аттестаты, паспорта, бланки ..

Тотчасъ телеграфировано было о розыскѣ и арестѣ Шостаковича въ Казани. Черезъ нѣсколько времени получилось извѣстіе, Шостаковичъ найденъ, арестованъ, при обыскѣ ничего подозрительнаго не найдено, и самъ онъ подъ карауломъ отправленъ въ Москву. Между тѣмъ до его пріѣзда въ Москву я продолжалъ допросъ свѣдущихъ по побѣгу Домбровскаго лицъ; изъ дальнѣйшихъ показаній подтвердилось обвиненіе Шостаковича въ устройствѣ побѣга и кромѣ того обнаружилось новое обстоятельство, а именно, что паспортъ Домбровскому былъ данъ Ишутинымъ подъ именемъ Шатова. Конечно, Ишутинъ ни въ чемъ не сознался.

Въ это время, т. е. въ ожиданіи привоза Шостаковича въ Москву, послѣдовалъ арестъ артиллерійскаго полковника Лаврова, профес. Михайловской Артиллерійской Академіи.

Занимаясь въ то время дѣломъ Домбровскаго, мнѣ не извѣстно было, какія были сдѣланы въ Комиссіи указанія на Лаврова; сколько знаю, могу сказать, что даже ихъ не было дѣлаемо, а обыскъ и, до разсмотрѣнія бумагъ, арестъ его послѣдовалъ вслѣдствіе имѣвшихся о немъ свѣдѣній, какъ о лицѣ неблагонадежномъ въ политическомъ отношеніи — подобные обыски производились нерѣдко втеченіе перваго времени предсѣдательства гр. Муравьева.

Часовъ въ 11 вечера меня гр. Муравьева послалъ къ военному министру предупредить его о мѣрѣ, которую положилъ онъ принять касательно Лаврова, причемъ поручалось мнѣ спросить у г. Милютина, не назначенъ ли имъ будетъ при арестованіи депутатъ съ военной стороны. Г. Милютинъ поручилъ мнѣ отвѣтить гр. Муравьеву, что лучший депутатъ былъ-бы я, если онъ сочтетъ возможнымъ меня послать. Въ разговорѣ между прочимъ Милютинъ сказалъ мнѣ: „Представьте себѣ, что не далѣе, какъ сегодня, у меня за обѣдомъ была рѣчь о томъ, что удивительно, что Лавровъ не попался и что странно, что гр. Муравьевъ его не арестовываетъ. Да,—это человѣкъ извѣстной неблагонадежности.“

Въ ту же ночь я арестовалъ Лаврова, котораго впрочемъ не засталъ дома, онъ проводилъ все свое свободное время у друга своего, доктора Конради, челоуѣка весьма сомнительной благонадежности и о которомъ имѣвшіяся въ III отдѣл. свѣдѣнія были весьма нехороши.

Оказалось, что у Лаврова имѣлась столь большая библіотека и переписка, что для разсмотрѣнія оной необходимо было имѣть цензоровъ, за которыми я былъ посланъ къ Министру Внутрен. Дѣлъ. Ст. Секр. Валуевъ, узнавъ, что цензоры нужны для разбора бумагъ и книгъ арестованнаго Лаврова, поспѣшилъ мнѣ сказать: „Слава Богу, что этого господина взяли—онъ мнѣ къ сожалѣнію слишкомъ извѣстенъ, въ особенности по дѣятельности своей въ..... (не разобрано—*Red.*)

Не удивительно ли было подобныя слова слышать отъ Военнаго Министра и Министра Внутрен. Дѣлъ! Оба знали преступное направленіе Лаврова, одинъ могъ во всякое время уволить его со службы, другой имѣлъ возможность по первому дѣлу выслать Лаврова административнымъ порядкомъ изъ Петрограда, куда ему заблагоразсудится.

Черезъ нѣсколько дней по разсмотрѣніи переписки Лаврова обнаружилась его дѣятельность: учрежденіе спектаклей съ тайною цѣлью отправленія сбора въ Сибирь политическимъ преступникамъ; участіе его въ безпорядкахъ, бывшихъ 1862 г. въ Университетѣ; передержательство у себя ряда личностей, разыскиваемыхъ правительствомъ для преданія суду за политическія преступленія, заготовленныя статьи для помѣщенія въ разныхъ журналахъ; нѣкоторыя статьи, уже смѣло нападающія на правительство и вселяющія въ публикѣ недоуверіе къ нему, не были пропущены въ 1864 г., за то безнаказанно пропускались по неосторожности цензуры въ 1865 г., и Лавровъ, какъ видно изъ его писемъ, осмѣивалъ эти промахи—все это служило рядомъ противъ него обвиненій. Но главнымъ обвиненіемъ, противъ котораго онъ не былъ въ состояніи представить ясныхъ оправданій, были письма отъ неизвѣстнаго (подпись сходна съ фамиліей Щебальскій), котораго онъ называлъ своимъ умершимъ знакомымъ. Въ письмахъ этихъ, въ довольно ясныхъ выраженіяхъ, упрекался Лавровъ въ происходившихъ въ Россіи пожарахъ—былъ ли онъ руководителемъ пожаровъ, или они были слѣдствіемъ его совѣтовъ и т. под.—осталось необнаруженнымъ, не менѣе того пало, если не прямое обвиненіе, то тяжкое на него подозрѣніе, подкрѣпляемое извѣстною его революціонною тенденціей. Лавровъ, какъ видно, не былъ привлеченъ къ дѣлу преступленія Каракозова и откры-

тому тайному обществу, но не менѣе того вина его велика. Развѣ образованіе тайнаго общества и выстрѣлъ Каракозова не были плоды ученія, котораго между прочими Лавровъ былъ проповѣдникомъ? Вина усиливалась находженіемъ его на военной службѣ; средство же имъ избранное, а именно, принятое мѣсто преподавателя Академіи и Артиллерійскаго училища, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать на учащуюся молодежь, была недостойная военнаго служащаго программа измѣны. Лавровъ, сколько я знаю, не былъ преданъ суду, но административно исключенъ изъ службы и высланъ въ одну изъ внутреннихъ губерній.

Одновременно съ извѣстіемъ о прибытіи Шостаковича въ Москву вновь обнаруженное обстоятельство измѣнило предположеніе гр. Муравьева послать меня въ Москву—ктому же не представлялось удобнымъ командировать меня, члена Комиссіи по этому дѣлу, для разслѣдованія обстоятельства, не имѣвшаго прямого отношенія къ преступленію 4 апрѣля; наконецъ, съ вѣроятностью можно было ожидать, что къ слѣдствію и допросамъ будутъ привлечены старше меня въ чинѣ, напр., смотритель замка и др., мнѣ же ихъ допрашивать не представлялось удобнымъ. Гр. Муравьевъ приказалъ мнѣ передать по этому все дѣло Домбровскаго вызванному въ Петербургъ Свиты Е. В. генераль-майору Дену, который немедленно отправился затѣмъ въ Москву.

При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія и раскрытіи дѣятельности общества Ада и Организациі, называемой еще Вальпорайзо, по предмету собственно слособа, которымъ арестованные полагали возможнымъ устроить освобожденіе Чернышевскаго, оказалось, что они въ случаѣ нужды полагали дѣйствовать въ Сибири ядомъ. Одинъ изъ арестованныхъ сознался, что этотъ ядъ приобрѣлъ уже Странденъ, который отправился за Чернышевскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ обнаружилась, что члены Ада, узнавъ о неудачѣ покушенія Каракозова, опасаясь ареста, раздѣлили между собою этотъ ядъ, давъ себѣ обѣщаніе передъ допросомъ его принять. Арестованные въ крѣлости были тотчасъ подробно обысканы и у нихъ найденъ былъ ядъ (крупинки стрихнина, обложенныя воскомъ); такъ, у Ермолова найденъ онъ былъ въ сапогѣ, а у Ишутина въ волосахъ. Не оказался ядъ у одного Загибалова, объяснившаго, что шарикъ съ ядомъ оставленъ имъ былъ въ камерѣ Арбатской части, гдѣ онъ содержался арестованъ. Впослѣдствіе при командированіи меня въ Москву я произвелъ обыскъ

въ камерѣ по указанію Загибалова и найденный при томъ ядъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ Слѣдственную Комиссію.

Итакъ, ни одинъ изъ привлеченныхъ по дѣлу не возымѣлъ въ минуту опасности достаточно характера, чтобы исполнить обѣщанное и тѣмъ закрыть слѣды преступленія; оно, конечно, не повело ни къ чему въ виду показанія Корево, но обрисовываетъ жалкіе типы этихъ бойцовъ свободы. Съ другой стороны, принятое ими рѣшеніе есть прямое доказательство соучастія и знанія ихъ задуманного Каракозовымъ преступленія, чего впоследствии впрочемъ не призналъ, судя по конфирмаціи, Верховный судъ.

Шагановъ послѣ недолгихъ распросовъ объяснилъ, что ядъ имъ былъ пріобрѣтенъ отъ двухъ знакомыхъ ему поляковъ: Маркса и Трусова при участіи 3-го Маевского Показаніе это вторично и еще болѣе указывало на участіе поляковъ въ дѣятелиности разныхъ тайныхъ обществъ, и г. Муравьевъ рѣшилъ командировать меня въ Москву для разслѣдованія на мѣстѣ этого дѣла.

Въ это время Комиссія засѣдала въ одномъ изъ флигелей Петропавловской крѣпости, куда переведены были изъ III отд. арестованный

Переѣздъ Каракозова совершился благополучно. Неожиданно въ одинъ вечеръ гр. Муравьевъ приказалъ нанять 4-хъ мѣстную карету и преступникъ подъ конвоемъ офицера и 3 съ нимъ же сидящихъ жандармовъ въ каретѣ безъ приключеній доставленъ былъ въ крѣпость. Черезъ нѣсколько дней однако совершено имъ было первое, впрочемъ, единственное противъ себя покушеніе. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Каракозовъ въ сопровожденіи 2-хъ жандармовъ отправился въ отхожее мѣсто; придя туда, жандармы вошли вмѣстѣ съ нимъ въ нужникъ и остановились у дверей, отъ которыхъ до столычака было шаговъ 8; преступникъ быстро подошелъ къ нему, вмигъ сорвалъ доску и прыгнулъ въ яму, полагая, вѣроятно, что въ ней достаточно было жидкости, чтобы утопиться, а, м. б., рассчитывалъ, что яма соединяется съ новой, куда онъ бы нырнулъ и при счастіи куда-нибудь вышелъ бы на берегъ. Каково же было его удивленіе-разочарованіе, когда открылось, что онъ прыгнулъ въ ящикъ, въ коемъ жидкости было по колѣно. Жандармы тотчасъ бросились къ нему и вытащили его. Итакъ, покушеніе это ограничилось тѣмъ, что бѣдный Каракозовъ обпачкался въ ящикъ, тѣмъ не менѣе случай этотъ усугубилъ мѣры осторожности съ преступникомъ, котораго стали приводить къ

допросу не вооруженные караулы, а 6 человекъ нижнихъ чиновъ безъ оружія. Каракозовъ спрошенный о причинѣ, по которой онъ возымѣлъ намѣреніе утопиться, весьма хладнокровно отвѣчалъ, что желанія этого онъ не имѣлъ, что, войдя въ нужное мѣсто, поскользнулся, хотѣлъ удержаться за столчакъ, доска котораго подалась, и онъ вслѣдъ за ней попалъ въ яму.

Съ Худяковымъ тоже произошла исторія. Въ минуту какого-то непонятнаго съ его стороны раскаянія, онъ на убѣжденіе допрашивавшаго его капитана Никифораки, сознался, что принадлежалъ къ тайному обществу, что уже собственноручно изложилъ на бумагѣ; когда же Никифораки перешелъ къ слѣдующему вопросу, о составѣ общества, Худяковъ вдругъ одумался, быстро изорвалъ написанное имъ показаніе и лоскутки бумаги взялъ въ ротъ съ тѣмъ, чтобы ихъ проглотить. Дѣло это происходило въ равелинѣ. На крикъ Никифораки сбѣжались люди караула отъ Измайловскаго полка и вынудили Худякова выплюнуть бумагу; лоскутки и были наклеены на другую бумагу показаніе это въ законномъ видѣ было приобщено къ дѣлу. Болѣе, несмотря на указанія другихъ и очныя ставки, ничего не сказалъ втеченіе всего слѣдствія Худяковъ.

24 мая я отправился снабженный предписаніемъ отъ гр. Муравьева въ Москву. Хотя предписаніе это было весьма точно, въ немъ прямо поименовывались Марксъ, Маевскій, Трусовъ, оговоренные въ передачѣ яда Шаганову, хотя г. Муравьевъ указывалъ мнѣ дѣйствовать рѣшительно, не стѣсняясь ни количествомъ арестованныхъ, ни слабостью обвиненія, однако положеніе мое по прибытіи въ Москву стало весьма неловко въ отношеніи начальствующихъ въ ней лицъ. Въ Москвѣ была учреждена тоже слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ генер.-губ. кн. Долгорукова—она была подчинена С. Петербургской и, казалось, ея прямое назначеніе было работать въ помощь Главной комиссіи—въ особенности въ поручаемомъ мнѣ дѣлѣ могла она быть полезной.

Между тѣмъ гр. Муравьевъ командировалъ меня съ большими полномочіями, и это не могло быть по вкусу кн. Долгорукову.

Причиной подобной по первому взгляду неловкости былъ неуспѣхъ дѣлопроизводства и открытій въ Московской комиссіи, гдѣ не было ни рѣшительности, ни усидчивыхъ занятій, Дѣлопроизводителемъ комиссіи былъ губернской стряпчій—и онъ единственный, впрочемъ, знакомый

съ дѣлопроизводствомъ слѣдствія, внесъ съ собой канцелярскій подъ-
яческій способъ веденія дѣла. Для обыска или ареста кого-либо г. г.
члены ожидали почти доказательства, что данное лицо заряжало пи-
столеть Каракозову, вопросные пункты писались какъ будто нарочно,
чтобы дать арестованному средство и возможность увернуться, нако-
нецъ, г. г. члены гордились тѣмъ, что кромѣ воскресенья и праздни-
чныхъ дней они ежедневно занимаются отъ 12 до 4 утра и отъ 9 до
12 ночи. Впрочемъ, они могли заниматься и 24 часа въ сутки, но
дѣло нисколько потому не подвинулось бы.

Гр. Муравьевъ послалъ меня съ тѣмъ, дабы я узналъ предвари-
тельно, не имѣется ли о Марксѣ, Маевскомъ и Трусовѣ какихъ-либо
свѣдѣній въ Московской Комиссіи, тотчасъ арестовавъ ихъ, приступилъ
бы къ допросу и по мѣрѣ указаній допрашиваемыми лицами арестовы-
валъ бы ихъ.

Подобный образъ веденія дѣла далеко несообразенъ былъ съ
подъяческимъ способомъ разслѣдованія и арестовъ производимыхъ
Моск. Комиссіей. Мнѣ же по проведенной въ Западномъ краѣ службѣ
и пріобрѣтенному въ Слѣдственной комиссіи въ Петербургѣ опыту бы-
ло извѣстно, какъ важно въ подобнаго рода дѣлахъ быстрота и что
лучше иной разъ лишняго арестовать (въ особенности въ такомъ важ-
номъ дѣлѣ), чѣмъ глупыми опасеніями отступить отъ справедливости,
дать время виновному скрыть слѣды преступленія, а обыкновенно и
и бѣжать. Арестъ и въ особенности обыскъ суть принимаемая осто-
рожною мѣрою; дальнѣйшее производство дѣла обнаружить всегда
невинность невинно арестованнаго, а считать себя въ подобномъ случаѣ
обиженнымъ никто не въ правѣ. Гражданскій законъ, правда, предоста-
вляетъ невиннымъ въ подобномъ случаѣ возмездіе—въ дѣлахъ поли-
тическихъ это немыслимо. Слѣдствен. Комиссія подвигается ощупью и
въ вину ей поставить нельзя, если иной разъ попадетъ къ допросу
человѣкъ, не имѣвшій ничего общаго съ разслѣдованнымъ преступле-
ніемъ. Зная хорошо Муравьева и его образъ мыслей, я рѣшился дѣй-
ствовать въ его духѣ, но тутъ неожиданно встрѣтилъ я препятствіе,
которое сдѣлалъ мнѣ самъ гр. Муравьевъ. Данное мнѣ предписаніе
оканчивалось собственноручною припискою гр. Муравьева: „все выше-
сказанное имѣть сдѣлать по предварительному распоряженію Москов-
скаго Генераль-Губернатора“

Другими словами—на все надо согласіе кн. Долгорукова. Конечно, гр. Муравьевъ не могъ иначе сдѣлать и не могъ командировать въ Москву меня, подполковника, распоряжаться по своему. Кн. Долгоруковъ, уже оскорбленный прїѣздомъ въ Москву ген. Дена, еще болѣе выразилъ свое неудовольствіе при прибытіи моемъ.

Какъ человѣкъ отмѣнно вѣжливый, онъ, конечно, и не сдѣлалъ мнѣ виду того, но не могъ удержаться отъ жалобъ на недовѣріе къ нему Муравьева, командировавшаго въ Москву Дена. Какъ я узналъ на другой день, онъ тоже самое твердилъ обо мнѣ и по поводу моей командировки Дену.

Пріемъ, мнѣ оказанный, былъ самый лучший. Я удостоился въ тотъ же день обѣдать у генер.-губернатора; съ нимъ поѣхалъ на вечернее гуляніе въ Петровскій паркъ; на другой день опять въ подобномъ родѣ удовольствіе—словомъ сказать, можно было подумать, что я прїѣхалъ въ Москву для развлечения. Между тѣмъ, когда я заговаривалъ о необходимости скорѣе арестовать Маркса, Маевского и К-о, когда я старался доказать, что прїѣздъ мой, члена С. Пет. Комиссіи въ Москву, можетъ разгласиться и быть прич. отъѣзда лицъ, которые ожидаютъ быть привлечеными къ дѣлу, кн. Долгоруковъ очень ловко переводилъ разговоры на другой предметъ, и дѣло не подвигалось. Не полагаясь на производимые Моск. Комиссіей обыски, въ чемъ я къ сожалѣнію впоследствии убѣдился, я еще прежде просилъ кн. Долгорукова (по порученію Муравьева) позволить мнѣ лично произвести обыски и аресты, на что онъ изъявилъ согласіе, но какъ только, какъ выше сказано, я приступалъ къ нему съ просьбою или скорѣе требованіемъ арестовать указанныхъ мнѣ въ Петербургѣ лицъ, разговоръ отклонялся, и дѣло оканчивалось ничѣмъ.

Не знаю, чѣмъ объяснить подобное поведеніе кн. Долгорукова, полагаю, что онъ между тѣмъ хлопоталъ черезъ кого-нибудь (вѣроятно, кн. Вас. Андр. Долгорукова) о томъ, чтобы меня вернули въ Петербургъ и порученное мнѣ дѣло перешло бы въ Московскую Комиссію.

Положеніе мое становилось весьма глупое, и я рѣшился, чтобы выйти изъ него, на маленькую хитрость. Пользуясь отъѣздомъ въ Петербургъ племянника гр. Муравьева, не довѣряя почтѣ, ибо считалъ себя не безъ основаній, подъ негласнымъ надзоромъ Москов. Глав. Упр., я вручилъ лицу этому письмо для передачи дѣлопроизводителю въ Комиссію. Въ письмѣ этомъ я просилъ доложить М. Н., что вте-

ченіе 4-хъ проведенныхъ мною дней въ Москвѣ *ничего не содѣлано* по странному нежеланію кн. Долгорукова мнѣ дать нужное разрѣшеніе приступить къ дѣлу, что не предвижу окончанія этой комедіи и потому прошу гр. Муравьева по телеграфу спросить кн. Долгорукова о послѣдствіи моихъ допросовъ или же спросить меня; во второмъ случаѣ я могъ бы показать кн. Долгорукову полученную депешу. Я считалъ способъ этотъ лучшимъ, чтобы разбудить, такъ сказать, Московскаго генер.-губернатора, не обращаясь къ пути на него жалобъ и неизбѣжныхъ затѣмъ непріятностей.

Черезъ день получена была мною депеша отъ Муравьева, по представленіи которой кн. Долгорукову я тотчасъ получилъ нужныя разрѣшенія и скажу, болѣе съ той поры не только не было препятствій, но напротивъ того оказываемо мнѣ было дѣятельнѣйшее содѣйствіе Московскими властями. Кн. Долгоруковъ послѣ, какъ и прежде, былъ со мною самымъ любезнымъ человѣкомъ.

Марксъ, Маевскій, Трусовъ были арестованы мною одновременно въ 3 часа ночи. При обыскахъ у нихъ ничего не обнаружилось.

Одинъ изъ нихъ, Маевскій, оказался на жительствѣ въ одной квартирѣ съ нѣкимъ Барановскимъ. Будь это не въ Москвѣ, гдѣ я ожидалъ, что на другой день выпустятъ неправильно арестованнаго, Барановскаго, я бы не задумался и этого господина забрать подъ стражу тѣмъ болѣе, что изъ распросовъ оказалось, что Барановскій житель Могилевской губ., за участіе въ Горьцкой шайкѣ былъ въ 1863 г. высланъ въ г. Шадринскъ, по ходатайству же Министра Внут.-Дѣлъ Валуева переведенъ въ Москву для окончанія воспитанія. Обстоятельство, что Барановскій проживалъ вмѣстѣ съ Маевскимъ, а потому не могъ не знать его преступной дѣятельности, было въ моихъ глазахъ достаточнымъ основаніемъ, чтобы арестовать обоихъ, но, зная изъ словъ Кн. Долгорукова, что, по его мнѣнію, виноватость самого Маевского еще подлежитъ сомнѣнію, я оставилъ на время Барановскаго въ покоѣ, въ чемъ впослѣдствіе раскаялся. По арестованіи этихъ трехъ лицъ я отправилъ на ночь Трусова ко мнѣ на квартиру, объявивъ ему, что онъ обязанъ письменно изложить всѣ обстоятельства дѣла, за которое онъ арестованъ. Я полагалъ, и не безъ основанія, что подобный пріемъ къ дѣлу можетъ быть полезенъ. Поднятый среди ночи съ постели человѣкъ, которому объявляютъ, что скорое и чисто-сердечное показаніе можетъ облегчить его участь, можетъ иногда спо-

ряча или страху болѣе сказать, чѣмъ одумавшійся и приготовившій планъ обороны. Трусовъ дѣйствительно за ночь написалъ нѣсколько листовъ бумаги, но, къ сожалѣнію, жандармскій офицеръ, при томъ присутствовавшій, не догадался отобрать исписанныхъ листовъ, по возвращеніи же моемъ въ 8 час. утра домой Трусовымъ уже было все сожжено исписанное.

Между тѣмъ первая ночь была посвящена мною важнѣйшему изъ трехъ, Марксу. Послѣдній долгое время ни въ чемъ не сознавался, наконецъ, подъ утро объявилъ, что дѣйствительно имъ былъ переданъ ядъ Шаганову, съ которымъ познакомилъ его для этой цѣли Маевскій, что ядъ былъ имъ пріобрѣтенъ у провизора Лангаузена, что передалъ онъ, Марксъ ядъ для отравленія Каткова. Послѣднее обстоятельство, какъ совсѣмъ новое, тотчасъ сообщено мною было по телеграфу гр. Муравьеву.

Въ послѣдующіе затѣмъ дни Марксъ изложилъ съ полною откровенностью всѣ имѣющіяся у него свѣдѣнія о существовавшемъ въ Москвѣ революціонерномъ обществѣ. Прямыхъ отношеній съ членами его онъ не имѣлъ, но черезъ Маевского зналъ, какъ о составѣ его, а также и о дѣятельности сего общества. Новыхъ какихъ-либо указаній, неизвѣстныхъ Комиссiи, имъ не было сдѣлано, тѣмъ не менѣе показанія его служили подтвержденіемъ открытіямъ, уже сдѣланнымъ. Такъ какъ главная цѣль моей поѣздки было открытіе поляковъ, т. е. обнаруженіе ихъ участія въ замыслѣ Общества Ада и Организациі, то отъ Маркса отобраны были самыя подробныя свѣдѣнія о полякахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ сказанными обществами. Кромѣ Маркса, содѣлавшимся передачею яда участникомъ преступленія, первое мѣсто занимаетъ Маевскій, затѣмъ Трусовъ (фамилія это польская, уроженцы Гродненской губ.), Шостаковичъ, Барановскій, Оржеховскій, Ольшевскій, Мокржицкій и неизвѣстный подъ именемъ Озеровъ. Поляки между собою не составляли общества, по крайней мѣрѣ сего слѣдствіе не обнаружило, также не участвовали они въ русскомъ революціонерномъ обществѣ, хотя и знали о его существованіи. Главою поляковъ, руководителемъ ими во всемъ былъ Маевскій, носившій съ 1863 г. титулъ агента. Черезъ него лишь сносились русскіе съ поляками, когда имъ представлялась въ нихъ нужда, хотя, какъ выше сказано, русскіе избѣгали, опасаясь поляковъ. Также дѣло пріобрѣтенія яда Шагановымъ у Маркса было ведено Маевскимъ. Послѣдній зналъ всѣхъ

членовъ тайнаго общества, вызвался пріобрѣсти ядъ, подговорилъ къ тому провизора Ланггауза, убѣдилъ Маркса впутаться въ это дѣло, для чего и познакомилъ его съ Шагановымъ. Однородность дѣятельности Общества и поляковъ, заключающейся въ поданіи способа къ побѣгу и укрывательству политическихъ преступниковъ, ставили ихъ часто въ положеніе оказывать другъ другу услуги, какъ это было при побѣгѣ Домбровскаго, долгое время скрывавшагося у Ишутина и Ермолова въ свою очередь Чернышевскаго, о прибытіи котораго въ Москву долженъ былъ быть извѣщенъ Марксъ, полагали спрятать у послѣдняго или же у Маевского.

Марксъ откровенно объявилъ, что главная дѣятельность Маевского, какъ агента, было устройство побѣговъ и укрывательство арестованныхъ поляковъ. Такими были между прочими Оржеховскій и Ольшевскій, оба бѣжавшіе за границу и возвратившіеся въ предѣлы Имперіи въ качествѣ революціонныхъ польскихъ комиссаровъ. По словамъ Маркса, Барановскій оказывалъ въ этомъ дѣлѣ помощь Маевскому. Вслѣдъ за этимъ былъ арестованъ и Барановскій. Ольшевскій былъ уже арестованъ и въ Петербургѣ Оржеховскому удалось бѣжать во время за границу по слѣдамъ за 1¹/₂ г. передъ тѣмъ скрывшагося корпуса лѣсничихъ штабсъ-капитана Мокржицкаго. Барановскій оказался уроженцемъ Могилевской губ. православнаго вѣроисповѣданія (братъ бывшаго Уфимскаго Губернатора и Директора Департамента Общихъ дѣлъ Кавказкаго Главнаго Управленія), но, какъ большинство ополячившихся въ западномъ краѣ русскихъ, къ тому же сынъ польки, въ дѣйствительности былъ католикомъ. По арестѣ его мнѣ была прислана гр. Муравьевымъ фотографія, представлявшая приводъ къ присягѣ въ 1863 г. шайки ксендз. и студентовъ Горыгорѣцкаго института. Составлявшіе Горѣцкую шайку были изображены въ лѣсу передъ устроеннымъ алтаремъ. Барановскій рисовался на первомъ планѣ. Конечно, онъ долгое время доказывалъ, что это не его изображеніе, что онъ православный и пр. Но сходство послужило самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ его лжи, и подъ конецъ онъ сознался въ томъ, что ксендзь приводилъ его какъ и другихъ, ко присягѣ. Барановскій подтвердилъ имѣвшіяся уже обвиненія противъ Маевского, сознался въ томъ, что оказывалъ содѣйствіе послѣднему въ его дѣятельности агента. Кромѣ того онъ объявилъ, что со словъ Маевского ему извѣстно, что онъ имѣетъ сношеніе и съ Петербургскимъ революціоннымъ обществомъ, что Маевскій

съ нѣкотораго времени, а именно съ 4 апрѣля ожидалъ, что его арестуютъ и просилъ его, Барановскаго, въ случаѣ, если это послѣдуетъ, немедленно извѣстить одно лицо въ Петербургѣ. Кто же это лицо, Барановскій долгое время не называлъ, отзываясь, что забылъ его фамилію и адресъ. Черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ, что имя и адресъ этого неизвѣстнаго лица должны храниться въ бумагахъ, отданныхъ за нѣсколько дней до обыска и ареста Маевского на хранение Лангаузу. Мною сейчасъ же былъ вытребованъ арестованный провизоръ Лангаузъ. Оказалось, что имъ дѣйствительно были получены на хранение бумаги Маевского и Барановскаго. Въ ночь же, когда онъ былъ обысканъ и арестованъ, бумаги эти при полицейскомъ были имъ отданы товарищу провизору Помо съ просьбою уничтожить, что и было исполнено. Нѣтъ сомнѣнія, что въ бумагахъ этихъ скрывались многія данныя къ обнаруженію виновности Маевского и Барановскаго, но что же дѣлать было, когда сама Московская полиція по тупоумію дала способъ это скрыть. Доложивъ кн. Долгорукову объ этомъ обстоятельствѣ и получивъ обѣщаніе, что съ виновнаго полицейскаго будетъ примѣрно взыскано, я продолжалъ допросъ Барановскому, который наконецъ рѣшился назвать неизвѣстнаго; адресъ его былъ въ 3 линіи Васильевскаго Острова—отставной Бугскаго уланскаго полка штабъ-ротмистръ Владиміръ Алек. Озеровъ. Въ тотъ же вечеръ послана была мною шифрованная телеграмма гр. Муравьеву, получившему ее ночью на Елагиномъ Острову, гдѣ жилъ онъ во дворцѣ. Посланный имъ ночью чиновникъ Мосоловъ не засталъ уже Озерова, бывшаго и отмѣченнаго въ Ригу. Дальнѣйшія розысканія не привели ни къ чему; сдѣлалось лишь извѣстнымъ, что фамилія Озеровъ вымышленная, ибо по свѣдѣніямъ Главнаго Штаба такого уволеннаго офицера изъ Бугскаго уланскаго полка не значилось. Показанія Лангауза носили характеръ раскаянія и чистосердечнаго признанія. Съ своей стороны онъ подтвердилъ обвиненіе противъ Маевского и лишь добавилъ, что этотъ послѣдній еще просилъ его дать ядъ ему, дѣйствіе котораго было бы медленно и не влекло бы подозрѣніе, присокупивъ, что оно нужно для пріобрѣтенія 100 т., необходимыхъ нѣкоторымъ лицамъ. Лангаузъ далъ тогда Маевскому рецептъ для пріобрѣтенія подобнаго яда. Болѣе по этому обстоятельству я ничего не могъ узнать. Маевскій отвергалъ это, и лишь впоследствии удалось въ комиссіи открыть, для какой цѣли нуженъ былъ этотъ ядъ.

Между тѣмъ получены были мною въ оправданіе показанія Маркса такія объясненія Шаганова, получившаго отъ Маркса ядъ.

Шагановъ утверждалъ, что ни разу при объясненіи его съ Марксомъ имя Каткова не было произнесено и ему непонятно, почему Марксъ полагалъ стрихнинъ нужнымъ для отравленія редактора Московскихъ Вѣдомостей.

Введенный въ заблужденіе первымъ показаніемъ Маркса, я его призвалъ и въ рѣшительныхъ выраженіяхъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ объяснилъ мнѣ, для какой цѣли нуженъ былъ Шаганову ядъ.

При допросѣ этомъ присутствовалъ кн. Долгоруковъ, и странно отъ него услышалъ я, что ужасно, безчеловѣчно требовать отъ чловѣка свѣдѣнія, котораго онъ, можетъ статься, не имѣеть.

Крѣпко убѣжденный, что чловѣкъ, рѣшающійся дать ядъ, долженъ знать, для какой цѣли онъ предназначается, или же если не знать отъ того лица, коему передаетъ, то догадываться до степени увѣренности, не требующей подтвержденія, я продолжалъ настоятельно требовать отъ Маркса категорическаго отвѣта на поставленный вопросъ. Вечеръ этого допроса, конечно, никогда не изгладится изъ моей памяти. Втеченіе службы я былъ не разъ свидѣтелемъ ареста преступниковъ, среди ночи выхватываемыхъ изъ дому: плачь жены, дѣтей—зрѣлище потрясающее; я видѣлъ казнь, былъ осаждаемъ наконецъ просьбами о помилованіи отца, жены преступника, какъ будто отъ меня зависѣла участь приговореннаго, но тогда воображали, что вліяніе мое на Муравьева всеильно—все это не можетъ сравниться съ борьбою чловѣка съ самимъ собою, чему я былъ свидѣтелемъ съ Марксомъ.

Видя, что я не отступаю отъ всего требованія, Марксъ среди уже ночи рѣшилъ все высказать и спросилъ для того бумаги. Минуть черезъ 10 блѣдный, какъ полотно, онъ мнѣ отдалъ дрожащею рукою листъ со словами: „я подписалъ, полковникъ, своей смертной приговоръ“. На бумагѣ было написано: „Я зналъ о существованіи русскаго революціоннаго общества и когда, мнѣ Шагановъ сказалъ: Русскіе хотятъ начать революцію, имъ нуженъ ядъ, я понялъ, что онъ предназначается противъ жизни Императора и исполнилъ просьбу Шаганова“. Опасаясь, что со временемъ показаніе это сочтено будетъ за вынужденное признаніе, что въ особенности можно было ожидать въ Верховномъ Судѣ, члены котораго, высшіе правительственные дѣятели, были врагами Муравьева, а потому съ вѣроятностью ожидалъ,

что вся работа комиссії подвергнется строгой критикѣ этихъ господъ, я для подтвержденія Марксомъ сего показанія обратился къ маленькой хитрости. Прочтя его признаніе, я безъ обиняковъ объявилъ ему, что дѣйствительно оно измѣняетъ положеніе его дѣла, но на милость и пощаду всегда разсчитывать можно. Затѣмъ, объявивъ ему (сего впрочемъ не зналъ и, какъ впоследствии оказалось, ошибался), что въ судѣ не будетъ у него защитника, и что я, хотя не имѣя на то права, разрѣшаю ему изложить на бумагѣ свое оправданіе. Оправдываться ему, конечно, невозможно было, онъ могъ только въ эту минуту возбужденія изложить тѣ причины, которыя могли заставить принять его это преступное рѣшеніе—въ моихъ глазахъ подобное оправданіе служило подтвержденіемъ уже высказаннаго. Марксъ съ благодарностью взялся за него и въ слѣдующихъ словахъ объяснилъ свой поступокъ:

„Сынъ галицкаго поляка, я—полякъ въ душѣ и всю жизнь имъ былъ. Бунтъ 1830 г., затѣмъ возмущеніе въ 1863 г. поставили меня и моихъ соотечественниковъ въ безвыходное положеніе (Марксъ, подозрѣнный, не безъ основанія, въ участіи въ мятежѣ 1863 г., содержался въ С.-Петербургской крѣпости въ 1864 г. 2 мѣсяца и затѣмъ освобожденъ, какъ всегда дѣлалось тогда въ добродушномъ Петербургѣ, а высылка тогда спасла бы его, можетъ статься, отъ ссылки на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, къ чему онъ былъ приговоренъ Верховнымъ Судомъ въ 1866 г.). Слово „полякъ“, сказанное кому-либо, въ глазахъ русскихъ служило оскорбленіемъ. Народныя страсти, разжигаемыя Катковымъ, привели мою націю къ плачу и отчаянію. Я зналъ о существовавшемъ кружкѣ русскихъ, недовольныхъ настоящимъ порядкомъ, зналъ о намѣреніи ихъ; когда Шагановъ объявилъ мнѣ о намѣреніи приступить къ дѣлу, я сказалъ себѣ: „хуже настоящаго не будетъ, перемѣна можетъ только улучшить наше положеніе, и вотъ по какимъ побужденіямъ я посягнулъ на жизнь царя-освободителя миллионovъ и сдѣлался соучастникомъ преступника Каракозова. За себя я прощенія не прошу, знаю, преступленіе мое велико, но за бѣдное безпомощное семейство мое взываю я къ царю, на жизнь котораго я посягнулъ“.

Показаніе это было мною тотчасъ отправлено къ графу Мурашевy Трусовъ и Шостаковичъ играли комедію раскаянія, постоянно плача, ничего однако не показали ни о себѣ, ни о своихъ сообщникахъ, Многорѣчивые ихъ отвѣты въ итогъ ничего не значили и свидѣтель,

ствовали только о их ловкости и увертливости, между тѣмъ имъ обимъ многое было, безъ сомнѣнія, извѣстно, т. к. они находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ членами Ада и Организациі, какъ и Маевскій, Шостаковичъ сознался даже, что былъ одно время членомъ С.-Петербур. революціоннаго общества, но при этомъ поторопился дополнить, что никого изъ членовъ его не зналъ, т. к. въ Петербургѣ оставался всего одинъ день передъ отъѣздомъ въ Казань, куда обѣщано ему было выслать подробное руководство по революціонной дѣятельности. Инструкціи этой, онъ увѣряетъ, не получилъ. Затѣмъ на настоятельныя доказательства мои, что чтобы быть членомъ Общества надо знать хоть одного члена вербовщика, онъ сказалъ, что дѣйствительно припоминаетъ одного, г. Корнева, живущаго на углу Офицерской и Фонарнаго переулка. По справкамъ никогда никакого Корнева въ этомъ домѣ и около не проживало; тогда Шостаковичъ объявилъ, что это фамилія была вымышленная, по настоящей онъ не зналъ, познакомился же онъ съ этимъ неизвѣстнымъ на улицѣ.

Вообще личности Шостаковича и Трусова испортили мнѣ много тогда крови, въ особенности трудно было выдержать хладнокровіе передъ вторымъ, постепенно переходящимъ отъ слезъ и просьбъ ходатайствовать о помилованіи къ дерзкимъ отвѣтамъ. Въ дѣлѣ слѣдствія нужна большая осторожность и можно, такъ сказать, испортить своего пациента—обвиняемаго. Я думаю, что Шостаковичъ вышелъ бы другимъ, т. е. дѣйствительно много бы высказалъ, если бы не попался предварительно въ руки г. Дена, командированнаго, какъ извѣстно, по дѣлу побѣга Домбровскаго, ничего не открывшаго вслѣдствіе упорства Шостаковича и остававшагося непонятнымъ мнѣ причинамъ весьма довольнымъ его признаніемъ и отвѣтами, что ему лично высказалъ. Вся неудача слѣдствія ген. Дена заключалась въ невѣрности поставленнаго вопроса Шостаковичу. Дѣло это первой важности—вопросъ долженъ ставиться обвиняемому рѣшительно и въ формѣ, въ которой допрашиваемому невозможно вернуться отъ сущности дѣла; въ той же степени не должно допускать многоглагольствованія, обыкновеннаго оружія для маскированія истины и отступленія отъ вопроса. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ III отд., ген. Дену извѣстно было, что Домбровскій выхваченъ былъ изъ Колымажскаго Двора и приведенъ къ Ишутину и К⁰ Шостаковичемъ; обстоятельство это извѣстно было изъ показаній 7-8 лицъ, могущихъ во всякое время на очной ставкѣ Шоста-

ковича Затѣмъ ген. Денъ вмѣсто того, чтобы приступить къ слѣд-
ствію требованіемъ отъ Шостаковича, дабы онъ подробно изложилъ
это дѣло и объявилъ, кто оказалъ ему въ этомъ услугу, началъ
съ того, что вымогалъ въ теченіе первыхъ дней отъ Шостаковича
признанія въ томъ, что онъ дѣйствительно устроилъ бѣгство Домбров-
скаго. Шостаковичъ мастерски воспользовался слабостью поставленнаго
вопроса и послѣ долгихъ лишь увѣщаній сознался *въ знаніи бѣгства*
Домбровскаго и оказаніи ему пріюта до бѣгства его за границу. Все
это было извѣстно комиссіи до отправленія ген. Дена и не требовало
сознанія Шостаковича, ибо было уже сказано и повторено членами Ада
въ С. Петер. слѣдственной комиссіи. Зато болѣе ничего не сказалъ.
Занимательна басня, которую онъ изобрѣлъ для скрѣпленія истины. Онъ
увѣрялъ, что, гуляя однажды по улицамъ, онъ встрѣтилъ женщину, ко-
торая, подошедъ къ нему, сказала: Я—бѣжавшій политическій преступ-
никъ Домбровскій—спрячьте меня гдѣ-нибудь. До этого онъ увѣрялъ,
что никогда и не слыхалъ, а тѣмъ болѣе не зналъ Домбровскаго. И
ген. Денъ остался доволенъ признаніемъ и раскаяніемъ Шостаковича.
Дена, конечно, нельзя упрекнуть въ неимѣннѣи твердости, рѣшительно-
сти, къ тому же онъ человѣкъ весьма умный, но слѣдователю надо
обладать особыми качествами—качествами, коими былъ надѣленъ въ
высшей степени гр. Муравьевъ. Если увертливые и путанные отвѣты
Трусова и Шостаковича столь затрудняли открытіе истины, то еще бо-
лѣе затрудненія или скорѣе сказать положительной невозможности уз-
нать что—либо представляли отвѣты Маевского. Всѣ способы, имѣю-
щіеся въ слѣдственной комиссіи, были ничтожны передъ неслыханнымъ
упорствомъ этой личности. Я думаю, что если перенестись возможно
было во времена истязаній и пытокъ, то и эти способы не вырвали бы
признанія отъ Маевского. Достаточно сказать, что переведенный впо-
слѣдствіе въ Петропавловскую крѣпость Маевскій на данныхъ ему 32
очныхъ ставкахъ съ 32 разными лицами не только не сознался ни въ
чемъ, но и не призналъ никого изъ своихъ знакомыхъ за извѣстныхъ
ему лицъ. Когда товарищъ начиналъ описывать расположеніе его
квартиры, мебели и пр., чтобы этимъ доказать ему, что у него бы-
валъ, Маевскій признавалъ, что описаніе справедливо, говоря: „Г-нъ
этотъ былъ у меня, вѣроятно, въ моемъ отсутствіи, неизвѣстно съ какой
цѣлью, что не дѣлаетъ ему чести.“ Знакомыхъ, представленныхъ ему
на очныхъ ставкахъ и обращавшихся къ нему на ты, онъ останавли-

валъ словами: „я Васъ, Милостивый Государь, не знаю и въ первый разъ вижу. При арестованіи Маевского мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что о немъ производится дѣло въ уголовной камерѣ и что послѣ мѣсячнаго содержанія подъ арестомъ онъ выпущенъ на свободу, взятый на поруки какимъ-то отставнымъ маіоромъ Пенкинымъ.

Но—образецъ Россійскаго суда! Никогда никакого маіора Пенкина не существовало, и личность эта, какъ оказалось впоследствии, вымышленная, оказалось въ глазахъ суда достаточно благонадежною, чтобы ввѣрить его попеченію Маевского. Мало того, послѣ неоднократныхъ повтореній уголовный судъ препроводилъ мнѣ справку изъ производящагося о Маевскомъ дѣлѣ, оконченнаго во время второго его по пріѣздѣ моемъ въ Москву ареста. По дѣлу оказался Маевскій оправданнымъ, преданъ же былъ суду за распространеніе возмутительныхъ воззваній, арестованный съ карманами, туго набитыми прокламаціями. Судъ удовольствовался объясненіемъ Маевского, объявившимъ, что прокламаціи эти собирались имъ для уничтоженія. Удивляться надо что не удостоили еще награды за вѣрнопослѣданный поступокъ.

Окончивъ свое порученіе въ Москвѣ, отправивъ въ С.-Петербургскую крѣпость по приказанію гр. Муравьева, Маркса, Маевского, Трусова, Барановскаго, Шостаковича, Лангауза, старшихъ учениковъ моего пансіона, я съ разрѣшенія гр. Муравьева возвратился въ С.-Петербургъ къ концу іюня. Остальныхъ арестованныхъ мною лицъ, не представлявшихъ особой важности, я передалъ на сѣденіе московской слѣдственной комиссіи: таковыхъ было 9 человекъ: Поль, Орфано, Покровскій, Темсковская, Фалинь, Соболевъ, Кичинъ, Воскресенскій, Ивановъ. Послѣдніе 5 всѣ были членами общества Организациі—всѣ неокончившіе курсъ Саратовскій Духовной семинаріи, оказавшейся разсадникомъ нигилистовъ, какъ и Пензенская гимназія, воспитавшая Каракозова, Ишутина, Страндена, Ермолова и др. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ я удостоился въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ комиссіи получить благодарность Муравьева за успѣшное исполненіе возложеннаго порученія. Выслушанное мною одобреніе доставило мнѣ тѣмъ болѣе удовольствіе, что оно было первое высказанное въ такой формѣ гр. Муравьевымъ, считавшимъ меня своимъ человекомъ, втеченіе всей при немъ службы оказывавшемъ мнѣ полное довѣріе, проявившееся въ порученіи мнѣ дѣла особой важности; до меня не разъ доходили отъ разныхъ лицъ свѣдѣнія, что Муравьевъ весьма доволенъ

мною и моею службою, но сего лично онъ никогда не высказывалъ мнѣ до сего времени. Мнѣ извѣстны были и частыя ходатайства его обо мнѣ передъ государемъ, правда, не увѣнчавшіяся тогда успѣхомъ, даже и этого Муравьевъ никогда мнѣ не объявлялъ.

Комиссію засталъ я занятою приведеніемъ дѣлъ къ окончанію: давались очныя ставки, собирались дополнительные показанія и т. д. На мою долю выпало опять заниматься съ ген. Огаревымъ; гр. Муравьевъ, проживавшій тогда въ Елагиномъ дворцѣ, пріѣзжалъ въ крѣпость въ комиссію только по утрамъ; порядокъ этотъ между тѣмъ увеличивалъ мои занятія, ибо гр. Муравьевъ возложилъ на меня докладывать ему ежедневно по окончаніи занятій въ комиссіи, а это бывало часовъ въ 11 вечера, все что сдѣлано было втеченіе дня. Поѣздки вечернія на Елагинъ отнимали у меня единственное свободное время, которымъ бы мнѣ было возможно пользоваться, ибо дѣло это было прямою обязанностью дѣлопроизводителя, который между тѣмъ въ 9 ч. отправлялся домой, во вниманіе того, что онъ былъ женатъ; не разъ въ теченіе этого времени, только этого, сожалѣлъ я, что не женатъ.

Участіе Кобылина въ преступленіи Каракозова между тѣмъ все еще не подтверждалось другими показаніями. Единственное, но тѣмъ не менѣе тяжелое обвиненіе его было сдѣлано Каракозовымъ. Рѣшили дать имъ вторичную очную ставку въ томъ предположеніи, что или Каракозовъ откажется отъ своего обвиненія, или же Кобылинъ признается. Очная ставка имѣла одинаковыя съ первою результаты, т. е. каждый остался при своемъ, но настойчивость и подробность, съ какою Каракозовъ уличалъ Кобылина, утвердила въ насъ убѣжденіе, что второй зналъ и поддерживалъ Каракозова въ своемъ преступномъ намѣреніи. Окончилась очная ставка, и гр. Муравьевъ рѣшился испытать еще одно средство. Призвавъ Каракозова въ Комиссію, онъ обратился къ нему со слѣдующими словами: „Дѣло приближается къ окончанію; я не буду обнадеживать Васъ, Вы знали и могли взвѣсить, что могло Васъ ожидать въ случаѣ неудачи покушенія, какъ и было. Судъ человѣческой въ этомъ случаѣ строгъ, неумолимъ, но есть другой судъ. Не забудьте, Каракозовъ, что имя Ваше принадлежитъ исторіи; Вы имѣете свою страницу лѣтописи царств. Александра II, потомство, можетъ стать, будетъ искать возможность не простить Васъ, но объяснить Ваше преступленіе, но оно не уважитъ Васъ, оно скажетъ: это былъ человѣкъ безсовѣстный, оклеветавшій невиннаго, ибо таковымъ

быль Кобылинъ". Слова эти, сказанныя съ тѣмъ умѣнемъ, которымъ обладалъ Муравьевъ, пошевелили бы и менѣ нервнаго, менѣ восторженнаго человѣка, чѣмъ былъ Каракозовъ. Онъ заплакалъ и сказалъ, что долго думалъ прежде чѣмъ объявить о оказанномъ содѣйствіи ему Кобылинымъ, что это сдѣлалъ, зная, что рано или поздно оно обнаружится и подтвердить прежнее показаніе—обвиненіе Кобылина. Итакъ, послѣднее средство для узнанія истины было испытано, и Каракозовъ не отступилъ отъ своего обвиненія противъ Кобылина.

Въ это же время, не помню, кѣмъ, было объявлено, что революціонное общество, имѣя необходимость въ денежныхъ средствахъ, считывало на скорую смерть отца члена организациі Федосѣева, надѣявшагося получить большое наслѣдство. Въ весьма неточныхъ выраженіяхъ въ показаніи этомъ говорилось о возможности отравленія старика Федосѣева сыномъ, въ чемъ принималъ участіе Николаевъ. Вспомнивъ показанія Лангауза, гдѣ онъ сознался въ указаніи на ядъ, дѣйствіе котораго было бы медленно, я тотчасъ хотѣлъ приступить къ допросамъ по этому дѣлу, какъ неожиданно встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны ген. Огарева, говорившаго, что это такое ужасное преступленіе, такое гадкое дѣло, къ счастью, впрочемъ, неудавшееся, что лучше его не поднимать, тѣмъ болѣе, что оно не имѣетъ отношенія къ преступленію 4 апрѣля.

Не такъ думалъ я. Вечеромъ, при докладѣ моемъ гр. Муравьеву, я упомянулъ и объ этомъ дѣлѣ, присовокупивъ, что для общаго взгляда на слѣдствіе, или скорѣе на обвиняемыхъ—обнаруженіе подобнаго, отравленія отца сыномъ, преступленія характеризуетъ личности и, при малыхъ указаніяхъ на знаніе лицами тайнаго общества о намѣреніи Каракозова, открытіе сего преступленія можетъ служить многимъ, ибо, по мнѣнію моему, человѣкъ, рѣшившійся отравить своего отца или лицо, его къ этому подговорившее, не остановится передъ царубійствомъ. Гр. Муравьевъ, одобривъ этотъ взглядъ, поручилъ мнѣ привести въ ясность обстоятельство это. При слабыхъ указаніяхъ раскрытіе этого дѣла представляло однако большія затрудненія. Первыя мои попытки узнать, что-либо отъ Федосѣева и его брата (оба арестованы по участію въ обществѣ Организациі) остались совершенно безуспѣшными. Федосѣевъ горячо отвергалъ и возможность подобнаго преступленія. Узнать что-либо отъ Маевского въ виду его упорства оказывалось невозможнымъ. Я рѣшился на 3-й способъ. Призвавъ къ себѣ Николаева, я ему

прямо объявилъ, что Федосѣевъ во всемъ сознался и что остается ему повиниться для избѣжанія очной ставки, въ подобномъ дѣлѣ для нихъ обоихъ ужасной. Послѣ недолгаго колебанія рѣшительный Николаевъ, никогда себя не жалѣвшій и молчавшій лишь тогда, когда дѣло касалось обнаруженія товарища, поддался на ловушку и чистосердечно сознался въ подговорѣ Федосѣева отравить отца и передать ему яда, полученнаго на этотъ предметъ отъ Маевского, знавшаго, между прочимъ, для чего онъ предназначался. Этого мнѣ только и нужно было. Показаніе это было предъявлено бр. Федосѣевымъ, но и тутъ безуспѣшно, и только черезъ нѣсколько дней при увѣщаніи священника Федосѣевъ сознался въ своемъ намѣреніи, а братъ его въ знаніи того. Арестованный въ концѣ апрѣля въ г. Козловѣ, куда онъ отправился къ отцу для исполненія своего страшнаго преступленія, Федосѣевъ имѣлъ возможность при обыскѣ выбросить изъ кармана пузырекъ съ ядомъ; на это полиціей не было обращено вниманія.

Это было послѣднее мое занятіе въ Слѣдственной Комиссіи, послѣ чего уже занимался приведеніемъ дѣлъ въ порядокъ и составленіемъ изъ оной выписки.

Въ настоящихъ запискахъ я излагалъ дѣло собственно мнѣ порученное, какъ въ подробности мнѣ извѣстное; постепенный ходъ слѣдствія, конечно, далеко не выдержанъ, но для полнѣйшихъ записокъ недостаточно памяти и ничтожныхъ матеріаловъ, которыя у меня подъ рукою. Занимаясь довѣріемъ гр. Муравьева дѣлами особой важности, бывъ въ послѣднее время нѣчто докладчикомъ всей Комиссіи (мнѣ болѣе другихъ извѣстны всѣ подробности этого дѣла), я упомянулъ въ главныхъ чертахъ о выдающихся обстоятельствахъ. Обо мнѣ говорили, что это прежній ученикъ безчеловѣчнаго Муравьева. Я это говорю, ибо знаю это изъ вѣрныхъ источниковъ. Но представляю людямъ, близко меня знающимъ, рѣшить, такъ ли это, и не могу удержаться, чтобы не сказать: если строгое, безусловное исполненіе своихъ обязанностей есть жестокость—такимъ я былъ. Когда я допрашивалъ старика 60 лѣтъ Маркса, вся жизнь котораго была длиннымъ испытаніемъ, оставившаго старуху жену, 15 лѣтъ дочь, когда я допрашивалъ восторженнаго полнаго жизни Николаева, съ надеждою смотрѣвшаго на свою будущность, передо мною лишь стояли враги правительства, существующаго порядка, люди, по моему разумѣнію, желавшіе несчастія Россіи, преступную

дѣтельность, помышленіе которыхъ долгъ службы и чести мнѣ указывалъ обнаружить.

Мнѣ скажутъ, что слѣдуетъ всегда оставаться человѣкомъ. Да, но не всегда надлежитъ руководствоваться чеповѣческими побужденіями. Въ данномъ случаѣ я нахожу чеповѣчѣе пожертвовать двумя, тремя, десятію для спасенія сотенъ. Кто не можетъ побороть въ себѣ этихъ такъ называемыхъ чеповѣческихъ побужденій, кто не находитъ въ себѣ доставочно твердости, чтобы рѣшительно безъ колебаній исполнить то, что ему указываетъ служебный законъ, тотъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ отстраниться отъ дѣла, но не имѣетъ права быть гуманнымъ за счетъ другихъ. Если это разсужденіе ошибочно, то въ дѣйствительности я долженъ согласиться съ тѣмъ, что я поступалъ въ Комиссіи жестоко и безчеловѣчно.

Съ вступленіемъ на престолъ императора Александра II рядъ коренныхъ государственныхъ реформъ призвалъ общество къ новой дѣятельности; Россія вступила въ совершенно новую жизнь, и что же на первомъ шагѣ обнаруживается: является партія враждебная всѣмъ нововведеніямъ, смотрящая на реформы, какъ на конечный путь гибели отечества. Это люди, пріобрѣвшіе себѣ наименованіе ретроградовъ, крѣпостниковъ и пр.; ничтожное меньшинство, идущее рука объ руку съ правительствомъ, во всемъ ему приходящее на помощь, составляло вторую массу общества, наконецъ, 3-я категорія составляла и составляетъ такъ назыв. молодое поколѣніе бойцовъ идей новыхъ. Явились нигилисты, олицетвореніе людей, недозволенныхъ правительствомъ, слишкомъ, по ихъ понятію, медленно ступающимъ по вновь начертанной программѣ. Нигилистъ—уродъ. Идея его—всегда крайность, но все же въ немъ зиждется корень того либерализма, на которомъ воспитано молодое поколѣніе. Кто же создалъ нигилиста? Какъ исторія указываетъ, въ другихъ странахъ, точно также въ Россіи, причиною тому была литература и нераздѣльное съ нею воспитаніе, ибо оно довершаетъ начатое на ученической скамьѣ.

Попирателями внѣшнихъ общественныхъ формъ являются представители зародившагося новаго покроя людей. Это работа времени, работа, которую никакое сильное правительство уничтожить не можетъ. Это жизнь народа, съ которою благоразумное правительство должно жить. 1866 г. засталъ правительство въ расплохъ. Выстрѣлъ Каракозова пробудилъ отъ безмятежнаго сна правительственныхъ дѣятелей

и они разомъ увидѣли передъ собою плодъ торопливой необдуманной ихъ работы по пути прогресса, они увидѣли, на какомъ пути стало молодое поколѣніе, высказывавшее просто недовѣріе системѣ правительства. Съ 1855 г. правительственные реформы во многомъ опередили ожиданіе общества, общество распалось, явилось большинство, не видящее невозможнаго и требующее быстрого довершенія предпринятой работы—равновѣсіе было нарушено.

Русское правительство съ 1856 г. начало свою работу. Россія въ 10 лѣтъ пережила болѣе, чѣмъ другія государства въ полвѣка. Торопливость, неполнота работъ, излишній либерализмъ создали либераловъ, ставшихъ враждебно тому же правительству. Явилась новая литература, руководимая Чернышевскимъ, Серно-Соловьевичемъ и др., создавшая нигилистовъ и что же: другая крайность повела тоже къ преступленію. Себя обманывать зачѣмъ? То, чего такъ настоятельно требуетъ извѣстная доля общества, то, чего правительство въ настоящее время дать не можетъ и не хочетъ и не должно—неминуемо послѣдуетъ. Таковы законы времени; въ настоящее время дарованы нѣкоторые права обществу, а не такъ давно возбужденіе даже вопроса о томъ нещадно преслѣдовалось правительствомъ. Преступленіе Каракозова на время отверзло очи правительства, съ 1866 г. оно возвратилось къ прежней системѣ. Никакая сильная администрація не остановитъ нынѣ, какъ и въ 1866 г. теченіе, по которому несется общество, не остановитъ—даже задержать—можетъ. Задержать должно, для подготовленія общества къ той дѣятельности, которой оно себя требуетъ, задержать должно для полнѣйшаго обсужденія вводимыхъ реформъ, задержать должно для очищенія общества отъ гангренознаго явленія, Чернышевскаго, нигилистовъ и проч. Вотъ, по моему, къ чему клониться должна дѣятельность правительства. Роль незавидная, ибо, неминуемо, противъ подобнаго лица возстанетъ все, что требуетъ скорѣйшаго довершенія начатаго. Скажу болѣе: люди ближайшаго будущаго, заинтересованные въ этихъ вопросахъ, громко осудятъ людей этой системы, но исторія должна будетъ отдать имъ справедливость, и скажутъ—это были люди, которые смотрѣли не на сажень вокругъ себя, а предугадывали то, что послѣдовать должно въ будущемъ. Графъ Муравьевъ это понималъ, когда онъ объявилъ войну ложному воспитанію, когда въ лицѣ Чернышевскаго, Некрасова, Курочкиныхъ и др. объявилъ войну литературѣ, ставшей на ложномъ пути. Подробныя всеподданнѣйшія записки, въ

которыхъ онъ представилъ государю причины преступленія тайныхъ обществъ, явленіе нигилистовъ не могли не вооружить противъ него почтенную числомъ публику. Недавно еще случилось мнѣ слышать отъ одного лица, что гр. Муравьевъ въ Комиссіи по 4 апрѣля 1866 года отодвинулъ Россію на нѣсколько лѣтъ назадъ. Но надо знать, чтобы стало съ Россіей черезъ нѣсколько лѣтъ! А каково было воспитаніе, насколько оно было ложно—обнаружили труды Слѣдственной Комиссіи. Гр. Муравьевъ, ставшій съ оставленіемъ Вильны популярнѣйшимъ чело-вѣкомъ въ Россіи, не убоился вооружить противъ себя литераторовъ и все такъ назыв. молодое поколѣніе, онъ смѣло высказалъ государю, что литература съетъ ядъ, что молодое поколѣніе стало враждебно Правительству вслѣдствіе ложнаго воспитанія, виною чему Мин. Нар. Просвѣщ., вслѣдствіе ложнаго ученія, проповѣдуемаго литераторами. Гр. Муравьевъ лишился большей доли популярности, которую онъ пріобрѣлъ при управленіи Западнымъ краемъ, но въ этомъ-то воззрѣніи на вопросъ, въ этой жертвѣ себя для пользы Россіи и заключалась, по разумнѣнію моему, его великая заслуга.

15. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению мѣстнаго края. вып. VI

СОДЕРЖАНИЕ: *Г. Ф. Морозов*—О типологическом изученіи лѣсов. *С. Барановскій*—Естественно-историческія условія роста и возобновленія и типы лѣсонасажденія в связи с основапіями хозяйства в Потахинской и Пелеговской казенных дачах Юрьевецкаго лѣсничества Костромской губ. *В. Катыцкій*—О типахъ лѣсонасажденія в Изосимовской, Нагорной и Зарѣчной дачах Кологривскаго уѣзда. Костромской губ. *С. Витковскій*—Типы насажденія восточной и западной частей Изосимовской дачи Кологривскаго у. *А. Форст*—Типы насажденія Екатерининской дачи Ветлужскаго у. *В. Матренинскій*—Лѣса Кологривскаго уѣзда в естественно-историческом отношеніи . . . ц. 4 руб.

16. Труды Костромского Научнаго Об-ва по изученію мѣстнаго края. вып. VII.

СОДЕРЖАНИЕ: Спизия пригородка Кадуя 1573 г. Сообщилъ *И. Н. Ельчанинов*—Описаніе города Буя, составленное инженеромъ поруч. Федоромъ Перелешиным в 1718 г. при воеводѣ кол. асесс. Серг. Темском. Сообш. *И. Н. Ельчанинов*. *М. Смирнов*—Костромскія вотчины Переславскаго Горницкаго монастыря (матеріалы). *Д. П. Дементьев*—Из промѣлагр Пыльгуской и Заводской волостей. Ветлужскаго у. *Евг. Дюбюк*—Подольская вотчина Кандалинцева (из собранія *Д. П. Дементьева*). *Вл. Апушкин*—О дворянских гнѣздах (Воспоминанія, впечатлѣнія, мѣла).—Выручка Баязета (Письмо *В. Шонорова* к *А. Н. Прохоровой*).—Историческіе и бытовые матеріалы, извлеченные из дѣл Архива Костромско-Ярославскаго Управленія З. и Г. имуществ. Сообшил *А. А. Ширскій*. К исторіи Костромских карабельныхъ лѣсов—*А. А. Апушкин*—Забутый проект соединенія рѣвки Костромы с рѣкою Сухоною . . . ц. 2 р. 50 к.

17. Труды Костромского Научнаго Об-ва по изученію мѣстнаго края. вып. VIII.

СОДЕРЖАНИЕ: *К. Завойко*—В Костромскихъ лѣсах по Ветлужь рѣкѣ (этиографич. матеріалы). *П. Зорин*—Пѣсни черемле Ветлужскаго уѣзда. *Н. Вицградов*—Костромская свадьба . . . ц. 2 руб.

Продаются отдѣльными оттисками статьи:

13. *А. Апушкин*—Забутый проект соединенія рѣвки Костромы с рѣкою Сухоною . . . ц. 75 к.
19. *В. Апушкин*—О дворянскихъ гнѣздах . . . ц. 50 к.
20. *С. Барановскій*—Ест.-историч. условія роста и возобновленія типа лѣсонасажденія в связи с основапіями хозяйства в Потахинской и Пелеговской казенных дачах Юрьевецкаго лѣсничества Костромской г. . . ц. 1 р.
21. *В. Барыков*—Из жизни с. Парскаго. Юрьевецкаго у., Костр. губ. . . ц. 10 к.
22. *М. Вицградов*—Галичское озеро и галичскій рыбный промысел . . . ц. 45 к.
23. *Н. Вицградов*—Костромская свадьба . . . ц. 1 р.
24. Выручка Баязета (письмо врача *В. Шонорова* к *А. Н. Прохоровой*) . . . ц. 25 к.
26. *Е. Дюбюк*—Основные черты в развитіи крупной промышленности в Костр. губ. в дореформенное время . . . ц. 30 к.
26. *Е. Дюбюк*—Подольская вотчина Кандалинцева . . . ц. 30 к.
27. *Е. Дюбюк*—Экономическое положеніе деревни осенью 1914 и зимою 1914—15 г.г. (по данным анкеты общества) . . . ц. 35 к.

28. А. Жадовскій—К флорѣ Ветлужскаго края . ц. 40 к.
 29. А. Жадовскій—Обзор литературы по флорѣ
 Костромской губерніи . ц. 20 к.
 30. Н. Завойко—В Костромских лѣсах по Ветлуж-
 ской губерніи (этнографич. матеріалы) . ц. 50 к.
 31. Л. Захарова—Вліяніе трезвости на жизнь Ко-
 стромской деревни (по данным анкеты общества) . ц. 25 к.
 32. П. Зорин—Пѣсни черемис Ветлужскаго уѣзда . ц. 50 к.
 33. В. Матренинскій—Лѣса Кологривскаго уѣзда
 в ест.-историческом отношеніи . ц. 2 р.
 34. Г. Морозов—О типологическом изученіи лѣсов . ц. 40 к.
 35. В. Смирнов—Н. Л. Сколосубов (некролог) . ц. 10 к.
 36. В. Смирнов—Отношеніе деревни к войнѣ (по
 данным анкеты общества) . ц. 35 к.
 37. М. Смирнов—Костромскія вотчины Горицкаго
 монастыря . ц. 45 к.
 38. Э. Шпор—Нѣкоторыя данныя о цвѣтеніи рясок . ц. 10 к.
 39. А. Языков—Общественная помощь призван-
 ным и их семьям (по данным анкеты общества) . ц. 25 к.

П е ч а т а е т с я :

Выпуск IX Трудов Костромскаго Научнаго Об-ва по изу-
 ченію мѣстнаго края.

СОДЕРЖАНІЕ: Желѣзные болотныя руды Костромской губ.

Склад изданій—Кострома, Книжный склад
 „КОСТРОМИЧ“.

Цѣна настоящаго выпуска—1 рубль. 50 к.

Весь доход от продажи настоящаго изданія поступает в пользу
 „Костромскаго Научнаго Об-ва по изученію мѣстнаго края“. Членам
 Об-ва и учрежденіям и обществам бесплатно разсылаются не бу-
 дет. так как печатается на частныя средства.

2021624255